

ДИАНА
МАШКОВА

ЛЮБОВНЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК

...Машкова выявляет те тонкости человеческих отношений, которые рельефнее всего выступают именно в профессиональной деятельности. Кстати, служебные романы – «любовь при исполнении» – добавляют ко всему этому особенную краску.

Писатель Юрий Поляков

Диана Машкова

Любовный треугольник

«ЭКСМО»

2011

Машкова Д. В.

Любовный треугольник / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-49097-4

Как и многие женщины, Света ставила во главу угла личную жизнь. Кто-то ведь должен заниматься детьми, домом, пока мужчина зарабатывает деньги и реализует амбиции! Проблемы в бизнесе у мужа волновали девушку лишь постольку, поскольку он все чаще стал прикладываться к бутылке и отказываться от секса. Чтобы вернуть прежнее расположение супруга, Светлана, обладательница красного диплома по финансам, решается включиться в семейное дело. И так получается, что бизнес увлекает ее. Только рад ли этому супруг, вдруг почувствовавший достойного соперника рядом с собой? И довольна ли изменениями в жизни сама Светлана?

ISBN 978-5-699-49097-4

© Машкова Д. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Машкова Любовный треугольник

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей электронки
книжки и надеюсь, что
мой прекрасно проведен
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждой день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

Диана Машкова

Часть I

Глава 1

Глеб воровато огляделся и, повернувшись спиной, стал спускаться с чердака по шаткой лестнице. Хорошо бы матери не оказалось поблизости! Если увидит, во что превратились брюки от выпускного костюма, будет полный трывец! И почему вчера не додумался раздеться? Так и завалился в солому в кооперативных штанах из китайской синтетики. Мало того, что теперь ноги чешутся страшно, так еще и брюки превратил в бесформенную растянутую тряпку. Хорошо хоть пиджак догадался снять.

– Гос-с-споди!

Он услышал шипение за своей спиной и, как в детстве, сжался в комок. Потом вспомнил, что со вчерашнего дня он – официально взрослый, и расправил плечи.

– Вот где свинья-то!

Глеб прыгнул на землю. Обернулся, посмотрел на мать. Та стояла, обхватив двумя руками прогнивший железный таз, из которого торчали только что вырванные сорняки, и прожигала его ненавидящим взглядом. Сгорбленная, морщинистая. В линялом халате, подпоясанном бельевой веревкой.

– Мам... – его голос дрогнул.

– Что мам, что мам?! – Таз с грохотом полетел на землю. – Штатается до полуночи, новый костюм в тряпку превратил! Какого рожна ночью полез на чердак?!

– Тебя не хотел будить...

– А я сплю?! Я сплю?! – Лицо ее покраснелось, глаза налились кровью. – Свинья неблагодарная! Я на этот костюм полгода копила, чтоб сыночек на выпускном был как все. Чтобы перед людьми не стыдно!

– Я не хотел...

Глеб опустил голову. Вся бравада взрослого человека прошла. Он стоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу и покорно ожидая пощечины или яростного тычка. Вместо этого она истерически взвизгнула.

– Где аттестат?!

Глеб вздрогнул и попытался нащупать карман в пиджаке, свисавшем в его руке чуть ли не до земли. Мать, не дождавшись, когда он найдет документ, выхватила пиджак. Обшарила все карманы, вытащила корочки и вздохнула с облегчением.

– Там только по географии четверка, – изрек Глеб, – и по физике.

– Какая мне разница, – проворчала мать, успокаиваясь. Аттестат она спрятала в карман халата с таким видом, словно это был не документ, а крупная купюра.

– Директор сказал, немного не дотянул до медали...

– Не дотянул же, – она подняла на него злые глаза, – и слава богу.

– Почему?!

– Потому что спеси в тебе и без медалей хватает!

Она бросила на него испепеляющий взгляд, а Глеб отшатнулся, словно от удара хлыста. Какая же она – он не мог найти подходящего слова – какая она... невозможная! Мучением было для него прожить с этой женщиной под одной крышей почти восемнадцать лет. И дело не в том, что она постоянно, по пустякам, поднимала хай до небес. Он привык. А в том, что мать казалась ему пришельцем с другой планеты: ей было безразлично все, за что Глеб готов был отдать жизнь.

Она вечно сидела без гроша в кармане и злилась на весь белый свет. Пахала, как вол, в огороде, торговала на рынке; работала нянечкой и тащила из детского сада в дом все, что плохо лежит. Конечно, когда зарплату месяцами не платят, хочешь не хочешь начнешь воровать. Но она-то всегда делала так! Хотя Глеб, несмотря на противное чувство в душе, и тут ее отчасти оправдывал: если бы не ее добычливость, он сам и его братья умерли бы от голода еще в младенчестве. И все равно! Человек создан не для того, чтобы постоянно думать о зарботке и быть «не хуже других».

– Мам, – позвал он, – нужно поговорить.

– Нужно-нужно, – отстраненно кивнула она, – дуй на кухню завтрак готовить. За столом и поговорим.

Глеб послушно поднялся на крыльцо. Спиной он чувствовал, как она буравит его презрительным взглядом и повторяет мысленно одно-единственное слово «свинья», ненавидя за брюки...

Он зашел в свою комнату переодеться. Сел на скрипучий деревянный топчан, сбросил злополучные штаны и с яростью зашвырнул их в угол. Надежда поговорить с матерью спокойно, без лишних истерик улетучилась без следа. Вот лось египетский, сам все испортил!

Глеб вытащил из старого шкафа шорты с футболкой. Надел. Заметив, что книги на самодельных полках покрылись пылью, подошел и бережно провел ладонью по корешкам. На пальцах остались серые полосы. Давно уже – несколько недель, пока шли выпускные экзамены, – не брал в руки любимых стихов и романов, не перечитывал, не улыбался, узнавая в героях себя. Даже пыль смахнуть – и то времени не было. Решил, что будет серьезно готовиться, сдаст все на «отлично». И сдал. Думал, будет аргумент в разговоре с матерью. Может, и сработало бы, если б не проклятая тряпка!

Недолго думая, Глеб поднял закинутые в угол брюки и стал с наслаждением мстителя протирать ими полки, потом сами книги, одну за другой. Он уже избавил от пыли многочисленных классиков и добрался до современников – осталась всего пара томов, – когда услышал из-за двери раздраженный крик матери. Наспех расставив книги и запихнув штаны под топчан, он бросился в кухню.

– Где тебя носит?!

– Переодевался.

– Брюки куда дел?

– Повесил.

– Щеткой почисть, – наставляла мать, грохоча ведрами на крыльце, – потом отутюжь. На работу ходить сойдет!

Глеб не слышал ее. Он мучительно думал над тем, как начать разговор об отъезде, и метался в поисках того, чего бы сварганить на завтрак. Старый холодильник «Свияга» был предательски пуст – ни молока, ни яиц, ни масла. В расшатанном от времени буфете горой навалены кульки и пакетики – в каждом по горсти риса, пшена или гречки. Мать приноровилась таскать с работы «по чуть-чуть, так, чтобы незаметно».

Продукты они почти не покупали: сидели на принесенных из детского сада крупах. Глеб поморщился, обнаружив, что многие пакеты прогрызены, а вокруг разбросан мелкий помет. Стоило ему на полмесяца забросить дом, не пересыпать все это в банки, и вот! Решил, что, когда добытчица уедет на рынок, он тут же выкинет все кулечки: не хватало только подхватить мышиную лихорадку. Дотянувшись до верхней полки, Глеб достал две жестянки: одну – с овсянкой, другую – с заваркой. Значит, будет английский завтрак.

Они сидели за шатким столом друг против друга. Мать, сгорбившись над тарелкой, торопливо работала ложкой, то и дело громко прихлебывая черный чай из железной кружки. А Глеб страдал, подбирая слова для предстоящего разговора. Он никак не мог дождаться грамот-

ного момента: решил, пусть мать сначала поест – с пяти утра в огороде, грядки все прополола, клубники набрала целую корзину. Устала, вот и злится. После еды, может быть, пообедит.

Поблуждав, мысли Глеба снова вернулись к заветной теме: дальше затягивать с разговором нельзя – после завтрака мать сразу умчится на рынок, пока ягода не упрела: главное, до этого момента успеть. Или подождать ее возвращения? Приедет она с деньгами, веселая...

Временами Глеб удивлялся тому, куда мать деваает деньги. С детсадом все ясно, сейчас никому зарплату не платят. Но на рынке-то она зарабатывает немало, сама любит похвастать. Летом торгует ягодами из сада, овощами из огорода – все до последнего огурчика на продажу несет. Зимой продает соленья-варенья, да еще маринованные грибы. Сами они ничего этого не едят, но и денег в доме никогда нет.

– Ты это, – мать сыто потянулась и встала из-за стола, – готовься. В понедельник на работу идешь.

– Что?! – Глеб замер над полной тарелкой.

– К нам тебя берут, с заведующей я договорилась, – гордо сообщила она.

– Кем берут? – едва произнес он.

– Так все удачно сложилось, – мать растянула тонкие губы в самодовольной улыбке, – охранник у нас уволился. И разнорабочего давно уж искали. Тебя возьмут сразу на обе ставки. Сечешь?

Она стояла подбоченясь и глядя на сына в ожидании благодарностей. Как же после школы – и сразу на две зарплат. Пусть задерживают ее, но выплатят же когда-нибудь. А в саду – целое хозяйство, так если с умом...

Глебу, который без труда прочитал ее мысли, стало не по себе – он медленно поднялся на ноги и посмотрел на мать сверху вниз. Маленькая, с лицом, изрытым невзгодами, и глазами, пылающими алчным огнем, она всколыхнула в нем волну неприязни.

Почему он подчиняется ей, лопух безропотный? За что так жалеет? Она же сама создала эту жизнь: и уход отца, и нищету, и убогие кульки с крупой.

– Нет! – рыкнул он.

От неожиданности мать попятилась. Ее покладистый сын, ее главная опора в будущем, посмел вдруг повысить голос! Она заставила себя очнуться от наваждения и, уперев руки в бока, стала наступать на него.

– Я расшибаюсь в лепешку, – прошипела она, – пашу, словно проклятая, чтобы у сыночка все было. А он вырос и вздумал бездельничать? Мало старшие – твари неблагодарные...

– Мам!

– Что мам?! Что мам?! Целую жизнь только на вас и горбатилась, – она яростно потрясала в воздухе кулаком, – так хоть бы один помогал матери на старости лет! Нет. Разлетелись. Один пьет без продыху, другой на дряни женился, которая ни сына, ни внуков близко ко мне не подпускает!

– Ты сама виновата, – не сдержался Глеб.

– Я виновата?! Я?! – Мать вдруг разразилась рыданиями и, опершись руками о стол, стала сотрясаться в истерике.

Глеб обнял ее за плечи и усадил. Принес воды, напоил. Рыдания постепенно стихли, и он понял: сейчас или никогда. Иначе не успеет оглянуться, как окажется в гребаной будке охранника детского сада – кто-кто, а мать давно выучила его слабые места и научилась давить на жалость.

– Мам, мне учиться надо, – робко вступил он, присев с ней рядом.

– А десять лет ты чего делал?! – изумилась она. Слезы на глазах от удивления высохли.

– Я про институт говорю.

– На черта козе баян? – щеки на возмущенном лице покраснели. – Кто тебя еще пять лет-то кормить будет, дурак?!

– Работать начну. – Глеба порадовало уже то, что мать не вскочила с места и не ушла прочь, как она всегда делала, если разговор ей казался бессмысленным. – Мне сейчас только на билет до Москвы денег надо и на первое время.

– Что?!

– Это немного. – Опасаясь, что она не дослушает, Глеб зачастил: – Верну, заработаю. Я же не лось египетский! Поступлю, на работу устроюсь и...

– И на кого ж ты учиться собрался? – с ехидцей, которой он не заметил, спросила мать.

– На психолога.

– На кого?!

От смеха мать согнулась пополам, на глазах ее выступили слезы. Она хохотала от души, а Глеб, чтобы сдержать обиду, выстроил между нею и собой воображаемую стеклянную стену. Режущий звук ее голоса пропал, осталась только картинка: старая женщина, сотрясающаяся в страшных конвульсиях. И жалость к ней.

Искривившийся рот беззвучно зашамкал, и Глеб догадался, что мать о чем-то спросила. Он безразлично пожал плечами и позволил стеклянной стене рассыпаться.

– Я говорю, – голос ее прорезался, – где столько психов-то на вас на всех взять? Надькина дочь – на психолога, Иркина – на психолога. И эти дуры гордятся. Но ты-то мужик, не баба!

Зря он дал ей заговорить. Объяснять что-то бессмысленно: никогда не поймет.

– Я уже решил, – он заглянул ей в глаза.

– А как детский сад? – уловив в его голосе непривычную серьезность, она насторожилась.

– Я туда не устраивался.

– Ты что, – мать снова взвилась, – решил меня опозорить?! Сколько я Алевтине Васильевне в ножки кланялась, сколько тебя нахваливала. А ты теперь возьмешь и на работу не выйдешь?!

– Не выйду.

Мать отвесила ему пощечину костлявой рукой. Физической боли не было – он давно привык к ее выходкам. Но унижение, бессмысленное и постоянное, ощущалось сейчас особенно остро. Глеб молча уперся взглядом в стол.

– Как миленький, – цедила она сквозь зубы, – пойдешь на работу!

– Не надейся, – отчетливо возразил он, не поднимая глаз: не хотел видеть ее искаженное злобой лицо.

– Пойде-е-е-шь! – Она завизжала и стала стучать кулаками по столу. Тарелки, ложки, кружки заплясали как сумасшедшие.

Тяжело вздохнув, Глеб поднялся и направился к двери: не о чем говорить. Хорошо, что он еще в детстве научился отстраняться от ее истерик! Если бы не эта способность, мать давно загнала бы его в учреждение, где больными занимаются психиатры. А не психологи, как ей кажется.

Глеб вошел в свою комнату и плотно прикрыл за собой дверь. Но не успел он отойти от порога, как дверь, едва не слетев с петель, распахнулась от бешеного удара.

– Ты пойдешь на работу, – мать выплевывала слова, трясясь от ярости, – как сказано, так и будет!

– Я поеду учиться.

– Кому ты там нужен?!

– А здесь?

Не найдя что ответить, она сплюнула на пол.

– Денег не дам, – поставила ультиматум.

Глеб молча пожал плечами.

– И документы свои не получишь!!!

Развернувшись, она вылетела из комнаты со скоростью ястреба. Заперлась у себя в спальне и учинила возню с выдвиганием ящиков, хлопаньем дверец, грохотом ставнями.

У Глеба ком подступил к горлу. На что он надеялся, лось египетский?! Думал, что мать, которая долгие годы воспринимала его лишь как дармовую рабочую силу, вдруг задумается о будущем сына? Что отпустит поступать в Москву, ненавидя этот город всеми фибрами души потому, что в столицу сбежал от нее отец? Должен был понимать – без боя она не сдастся. Всю его жизнь давно распланировали, только самого его забыли спросить. И исправить ситуацию, кроме него, никто не сумеет. Надо бежать!

Что же еще делать, если он подышает в собственном доме, ему нечем дышать? Даже если за безденежный проезд его схватят и посадят в тюрьму, это будет правильнее, чем подчиниться матери. Любая камера сейчас казалась Глебу лучшим убежищем, чем дом собственной родительницы.

Он велел себе набраться терпения и переждать. Не продолжать скандал, не вызывать у матери новых приступов ярости. Пусть перебесится и едет себе спокойно на рынок. В том, что рано или поздно мать уйдет, он не сомневался: небо может упасть на землю, а собранная клубника остаться непроданной не должна. Глеб взял с полки заветную книгу – между страниц пряталось несколько купюр, которые сумел с огромным трудом накопить. Он пересчитал потертые тысячи и расстроился: капитала хватало от силы на пару-тройку «Сникерсов». Конечно, он не собирался покупать эту дрянь – хватило бы на хлеб до Москвы!

Глеб переложил деньги в карман, и, чтобы убить время, сел на топчан с Мопассаном в руках и погрузился в чтение.

Очнулся он только в тот момент, когда за матерью захлопнулась входная дверь, а бедный Чарльз Форестье уже лежал при смерти в Каннах. Мысленно он продолжил историю, которую давно выучил наизусть: Милый друг женится на вдове Форестье, затем пойдет вверх по социальной лестнице – и все за счет женщин. Триумф Дюруа и ключевая фраза романа «Будущее принадлежит пройдохам» вызывали в нем смесь недоверия и любопытства. Наверное, Мопассан намеренно не дописал финал, чтобы читатель сам представил себе ту пропасть, в которую попадет Дюруа из-за заговоров и интриг. Рано или поздно, каким бы он ни был красавцем и дамским угодником, за чужое богатство придется платить. По крайней мере, Глебу всегда так казалось.

Он отложил книгу и подошел к зеркалу. Из затуманенной от старости глади на него смотрел невысокий крепкий юноша, а вовсе не «взрослый человек», как казалось ему с утра.

Черты лица – линии губ, подбородка – тонкие, даже изящные, нос аккуратный. Брови дугой. Глаза как у собаки: умные, добрые и печальные. Его внешность можно было бы даже назвать «смазливой», хотя сам он этого слова терпеть не мог, только вот торчащие в стороны уши портили все впечатление. Чтобы скрыть ужасные громадины, доставшиеся от матери, Глеб опасался коротко стричься. Но волосы у него были жесткие, словно конская грива, на голове все топорщилось. По утрам он вообще выглядел как персонаж диснеевского мультфильма после удара током и стоял над умывальником по сорок минут, сражаясь с непокорной растительностью.

Нет. Красавцем он не был. Не находил в себе ничего от мужественной привлекательности Дюруа, перед которым женщины млели.

Мать любила повторять, что Глеб похож на отца, скромно умалчивая про уши, маленький рост и много чего еще, явно доставшегося от нее. А вот с тем, что по характеру он пошел в родителя – мечтатель беспутный, – Глеб и не спорил. Без мечты это была бы не жизнь! И еще он втайне от матери радовался тому, что живет где-то человек, близкий ему по духу, а не только родной по плоти. Хотел его отыскать.

Жаль, конечно, что за столько лет отец не приехал ни разу, но Глеб все понимал: на месте папы и он бы не сунулся к бывшей жене, зато не забывал бы благодарить бога за то, что вовремя унес ноги. Между прочим, пора и ему о себе позаботиться.

Зная, что в запасе у него несколько часов, Глеб сначала собрал походный рюкзак, прихватив дедову плащ-палатку: неизвестно еще, где ночевать придется. Это на поезде одну ночь всего ехать, а на перекладных – пригородных электричках, да еще без денег, – может и неделя на дорогу уйти. Вот будет смешно, если он встретит свой восемнадцатый день рождения в вагоне или на вокзале. А как мечтал быть в этот день уже в Москве, рядом с отцом!

Сложив вещи и вытащив из-под кровати бережно собранное «богатство» – коллекцию из двенадцати банок консервов, Глеб отправился в сарай за инструментами. Он не сомневался, что дверь в свою спальню мать, уходя, заперла на ключ. Привычка у нее такая. Да и аттестат грозила не отдать – значит, спрятала у себя в комнате, больше нигде.

Вооружившись стамеской, он сдвинул язычок замка и остановился на пороге, думая, откуда бы начать поиски. Железная кровать, заваленная периной, как в сказке «Принцесса на горошине», и застеленная кружевным покрывалом. Резной стул. Старинный сундук. Платяной шкаф с вычурными узорами на дверцах. Вышитые занавески на окнах. Глеб в очередной раз удивился тому, насколько убранство «светелки» – салфеточки, кружавчики – противоречит истинному характеру матери.

Он подошел к шкафу, раскрыл дверцы. Юбки, блузки мышиного цвета, в которых она ходит на работу. Вот, пожалуйста, еще один персонаж: в детском саду она тише воды ниже травы, идеальная подчиненная – кроткая и исполнительная при начальстве. Он, когда случайно увидел мать рядом с заведующей, даже и не узнал ее. Совершенно другая женщина.

Интересно, как много масок одновременно может носить один человек? И забавней всего в случае матери – наличие отдельного карнавального наряда даже для собственной спальни.

Глеб открыл по очереди все дверцы шкафа, осмотрел полки и не заметил ничего похожего на документы. Куда она могла их деть? Разве что спрятать в сундук.

Со старинным замком пришлось повозиться: поддался он не сразу. Хорошо, пока дед был жив, Глеб постоянно торчал в его мастерской. По дереву вырезать научился, мебель простую делать. Даже часы чинить и замки собирать. Дед был на все руки мастер – сейчас таких уже нет, – а Глеб рад был сбежать от матери под его защиту. Так и вырос на верстаке, среди напильников и рубанков.

Кованая крышка сундука поднялась, и Глеб тут же понял, что не ошибся – вот она, сокровищница матери. Голубой отрез на платье, бог знает когда подаренный ей бабушкой. А ведь она уже семь лет как умерла. Пуховая шаль. Картонная коробка с фотографиями. Он не стал ее открывать: все снимки помнил наизусть. Библия. Новая ночная сорочка. Осторожно перекаладывая добро из сундука на пол, он наконец добрался до самого дна и удивленно поднял брови – латанные-перелатанные чулки противного телесного цвета из хлопковых нитей, которые когда-то носила бабушка, были аккуратно свернуты и заткнуты по углам. Глеб двумя пальцами приподнял один чулок. Тот раскрутился, оказавшись неожиданно тяжелым, а в носке его обозначилось уплотнение. Не в силах справиться с любопытством, он сунул руку внутрь и застыл от изумления: скрученная и перемотанная резинками тугая пачка денег показалась на божий свет...

Глеб пересчитывал, пересчитывал. В каждом из шести чулок лежало по плотной пачке. Это же миллионы! Полный триндец. Откуда такие деньги?! Не то что машину – квартиру, наверное, в их городишке купить можно.

Желания заметались, мысли запрыгали. Дорога в Москву, учеба, безбедная жизнь – это так просто, так близко! Оденется наконец как человек, а то на экзамены вступительные идти даже не в чем. Не в этом же гребаном костюме, который тянется во все стороны и выглядит уже так, словно побывал на помойке! Комнату снимет – общежитие еще неизвестно когда дадут.

Потом, конечно, заработает и все до последней тысячи вернет. Разве нельзя у родной матери взять займы?!

Можно, конечно! Можно! Не чужие ведь люди.

Но... Займы – это значит по согласию обеих сторон. А мать ясно дала понять, что денег ему не даст. Украсть?

Радужные картины будущего запрыгали перед глазами, затемненные угрызениями совести. Но учиться-то надо? Надо. Родители детям обязаны помогать? До совершеннолетия – да. О будущем необходимо позаботиться? Обязательно! Он же и будет кормить мать, когда она выйдет на пенсию.

На все вопросы, возникавшие в голове, Глеб тоже отвечал положительно и все равно никак не мог сделать решающий шаг. Египетский лось!

А вдруг эти деньжищи принадлежат не ей?! Кто-то передал их на хранение, вот и все!

Глеб с облегчением вздохнул – дилемма разрешилась сама собой. И правда, откуда у матери такая невероятная сумма? Если бы и была, разве стала бы она питаться пустой кашей, покупать у кооперативщиков и на рынке грошовую одежду, отказывать себе во всех удовольствиях? Взять хотя бы маринованные грибы – мать их так любит. А сама никогда не ест, все на продажу несет. Одну-единственную банку на Новый год открывает, и все. Бред! Конечно, это чужие деньги.

Глеб разложил все по стопкам, как было. Скрутил в тугие свертки, перетянул резинками и рассовал по чулкам. Последнюю пачку он долго рассматривал и крутил в руках – очень хотелось вытащить несколько купюр, купить билет и спокойно доехать до Москвы, – но потом решительно сунул на место и ее. Не надо! Кто его знает, что это вообще за деньги. Доберется он сам.

Сундук снова наполнился вещами, а аттестата так и не было видно. Глеб бросил встревоженный взгляд на будильник, затаившийся под кроватью: матери не было дома уже полтора часа. Еще минут тридцать, максимум час, и она вернется. К этому времени быть его здесь не должно: он или найдет свой документ, или уедет так, без него. Но как же без этой бумажки поступать в институт?!

Глеб стал перетряхивать вещи заново. На этот раз он не просто вытаскивал их из сундука, а разворачивал, распаковывал. И, вывалив на пол содержимое коробки с фотографиями, просиял. Вот, оказывается, куда мать все упрятала! И свидетельство о рождении, и аттестат. Еще какие-то письма. Мельком взглянув на конверт, Глеб обомлел, увидев на нем имя отца. Так, значит, папа писал, а мать от него это скрывала?!

Отложив письма и документы в сторону, он стал торопливо запихивать весь остальной скarb на место, лихорадочно размышляя над тем, как поступить с конвертом. Ему нужно было прочесть, что писал матери отец! Понять, что он за человек. Он имеет право знать!

Все, времени больше нельзя терять ни минуты: мать, если застанет его, поднимет нечеловеческий хай и тут же упечет сына в будку. Захлопнув сундук, Глеб подхватил бумаги и выскочил за дверь.

Полчаса спустя он уже был на вокзале. План в голове сложился быстро: поезд дальнего следования ему заведомо не подходит – там «зайца» вычислят еще до отправления. Значит, надо пробраться в электричку, которая идет до любой станции в направлении Москвы. Семь-восемь пересадок, и он будет спасен.

Глава 2

- Сереж, ты на аперитив что-нибудь будешь?
- Водки плесни.
- Сере-е-еж, – пропела жена, нахмутив брови и сложив губки бантиком, – херес, вермут, кампари, ракия, абсент...
- А водки нет?
- У-у-у, – она обиженно трянула роскошной гривой, – какой же ты крейзи. Это не пьют перед едой!
- Ладно, – Сергей смирился, – неси свой абсент.

Он сел в глубокое кресло перед камином, а Света упорхнула к бару. Все-таки водка сейчас была бы лучше: надо отвлечься. Рабочие неурядицы скоро загонят его в гроб. Уже несколько месяцев компания балансирует на грани, и никакого просвета.

Через минуту жена вернулась с серебряным подносом, на котором стояло два хрустальных бокала. На дне того, что поменьше, едва просматривалось несколько капель зеленой жидкости, а на краю красовалась ажурная треугольная ложечка и на ней, в свою очередь, кусочек сахара. Сергей поморщился, глядя на чопорную пирамиду. Во втором, большем бокале оказалась вода. Света присела перед журнальным столиком, поставила на него поднос и с видом начинающего иллюзиониста начала переливать воду через сахар в абсент. Благородная зелень нектара превратилась в мутную белизну жуткого пойла.

Сергей выругался про себя: это все теща. Кто ее просил привозить Светке из Англии целую кипу светских журналов и кучу непонятного назначения прибаамбасов? Теперь целый месяц, пока ей не надоест, они будут играть в «высшее общество».

- Вот, – торжественно провозгласила она и протянула мужу бокал.
- Спасибо, – пробурчал он себе под нос и, зажмурившись, выпил.
- Как? – с любопытством заглянула жена ему в лицо.
- Хорошо, – вкус сахарного сиропа неприятно саднил горло, – где ты такое вычитала?
- В британском «Tatler», – глаза ее загорелись, – я даже не знала! Абсент еще можно пить...
- Светик, – он сделал лицо мучимого голодом человека, – сходи, киска, уточни про ужин. Есть очень хочется.
- Да, дорогой.

Она упорхнула со счастливой улыбкой на пухлых губах, а Сергей, прокашлявшись, встал и направился к бару. С его женой разве дождешься, когда тебе выпить нальют?! Человек изматался как черт на работе, голоден, словно волк, а приходится самому о себе заботиться. Абсент так абсент. Но зачем его водой-то с сахаром портить? И ведь ничего ей не объяснишь.

Обнаружив среди плоских, пузатых, высоких, узких и прочих бутылок зеленую, Сергей наполнил бокал на добрую треть. Выпил одним залпом, почувствовал приятную горечь полыни и, довольно крикнув, вернулся в кресло. Как раз вовремя: жена, судя по приближающемуся цоканью каблучков, уже возвращалась из кухни.

- Пойдем, – ласково позвала она, – все готово.

Сергей послушно взял протянутую ему руку и поднялся из кресла.

В столовой было накрыто на две персоны. Вспомнив в последний момент о том, что нужно помочь сесть жене, а потом уже располагаться самому, Сергей выдвинул для нее белый, на изящно изогнутых ножках стул. Света благодарно кивнула и, расправив широкую юбку, села.

Очередная девушка – он уже не запоминал их имен – появилась с фарфоровой супницей. Кружевной чепчик на ее голове смешно сбился набок, и Сергей едва удержался, чтобы не

хохотнуть. Но, посмотрев на Светлану, увидел, что и она тоже заметила нелепый вид официантки, но держится отстраненно. Ясен пень – белая кость, голубая кровь.

– Крем-суп из брокколи, – объявила девушка.

Света царственно кивнула, в то же время ободряюще улыбаясь прислуге. Вот как это ей удается все сразу?! Девушка наполнила тарелку жены и вопросительно посмотрела на Сергея.

– Нет, спасибо.

Для закрепления информации он отрицательно мотнул головой. Зелени с него на сегодня хватит.

– Подавать рыбу? – уточнила официантка.

– Несите, – буркнул он, заколебавшись между вычурным «подавайте» и сдержанным «да».

Через мгновение перед ним уже стояла огромная тарелка, на которой расположился крошечный кусочек семги в икорном соусе, заботливо обрамленный вареными овощами. Последние были вырезаны в форме экзотических цветов, что, на взгляд Сергея, привлекательности им не добавляло.

– Свет, – жалобно протянул он, – мы с тобой что, худеем?

– Чуть-чуть, – улыбнулась она и перешла на шепот: – Я заметила, что тебе почти все брюки стали малы.

– Куплю другие, – возмутился Сергей.

– Милый, – Света протянула через стол руку и положила ее на широкую ладонь мужа, – лишний вес легче не допустить, чем потом от него избавиться. В «Космополитен» пишут...

– А мне все равно, – прошипел он, глядя ей прямо в глаза, – я жрать хочу!

– Хорошо, – рука ее отдернулась, и снова это обиженное отбрасывание назад волос, – я попрошу Лену сделать картофель фри.

– Хотя что-то, – проворчал он, – и пусть рыбы принесут еще порции три. В одну тарелку.

– Да, – жена опустила глаза и уставилась в свой бокал.

Как же достали Сергея ее глупые обиды по всякому поводу! Он лезет из кожи вон, чтобы наладить бизнес, обеспечить семье богатую жизнь в будущем, а она дует на него из-за ерунды. Начитается модной макулатуры и думает, что знает, как надо жить!

Лучше бы интересовалась, что в компании происходит! Больше пользы было бы для нее самой.

– Свет, – не выдержал он молчания, – у меня большие проблемы.

– Ты заболел?! – она встрепенулась испуганно.

– Нет, – Сергея раздражала ее непонятливость, – в компании сложности!

– А-а, – она сразу расслабилась и потеряла интерес к разговору.

– Денег нет, – объяснил он понятным ей языком, – объекты купили, а строиться не на что!

– Подожди, – она наконец начала соображать, – пять магазинов уже работают. Прибыли от них недостаточно?

– Ты смеешься?!

– Я думала...

– Свет, – Сергей взялся руками за край стола, – нам сейчас без дополнительных вливаний не выжить!

– Все так серьезно?

– Более чем!!! – припечатал он и откинулся на спинку стула.

Света занервничала. Взяла в руки салфетку и непроизвольно начала скручивать ее в жгут. Пальцы от напряжения побелели, в глазах читалась растерянность. Сергей ухмыльнулся: наконец-то хоть на женщину стала похожа, а не на царственную бронзовую статую.

– Какие мысли? – пролепетала она.

– Искать деньги! – заключил он.

– Сколько?

– Много, – Сергей вздохнул тяжело, – около полусотни миллионов долларов.

– Сережа, ты крейзи?!

Опять двадцать пять. Хотя он был рад уже тому, что она отреагировала: обычно вся ее эмоциональность, если речь шла о бизнесе, сводилась к сдержанной мимике. А вот сейчас он задел ее за живое – наружу вырвался темперамент, которого, не будь ее мужем, он бы в жизни не разгадал.

– Светик, – почти ласково произнес он, – я говорю, мы на грани банкротства. Нужна круглая сумма...

Она закивала, словно болванчик, борясь с подступающими слезами – как всегда! – и стала возить ложкой в тарелке с жутким зеленым месивом.

У Сергея не было ни малейшего желания утешать жену: еще вопрос, кому сейчас больше нужна поддержка!

Ему наконец принесли нормальную порцию рыбы с картофелем, и он с жадностью набросился на еду. Хотя что-то приятное за весь день. А то на завтрак – пустой творог, на обед – рабочие проблемы, на ужин чуть было не получил отповедь вместо еды. Четыре года уже женаты, а супруга никак не поймет, что он нормальный мужик. И хочет жрать, а не любоваться гербарием на тарелке. Вот пусть теперь посидит и подумает, что к чему.

Остаток ужина прошел в полном молчании: Света с потерянным видом скручивала салфетку, не притронувшись к ужину, а Сергей наслаждался едой. Даже потребовал принести десерт, хотя поначалу думал пойти навстречу жене – отказаться от сладкого.

До спальни он доковылял на полусогнутых: жутко клонило в сон. Все-таки заставил себя принять душ и моментально забрался под одеяло. На сегодня осталась только одна проблема: увильнуть от притязаний любимой так, чтобы она не обиделась. Устал он, нет никаких сил!

Но Света словно нарочно усложнила задачу, тесно прижавшись к нему и крепко обвив руками-ногами. Стало невыносимо жарко. Сергей тем не менее просить ее отодвинуться не решился: только отогнул со своей стороны край одеяла, чтобы стало прохладней. Положил ладонь на хрупкие плечи жены и тут же, закрыв глаза, стал ровно дышать. Через минуту он действительно уже спал.

Утро началось с пронзительного писка будильника. Сергей нехотя разомкнул веки и с завистью посмотрел на Свету, которая свернулась калачиком на другом конце громадной кровати. Она-то может спать, сколько угодно душе, а ему надо вставать, тащиться в офис, работать. Как его замотали эти жуткие будни за последние несколько лет! В двадцать семь он уже чувствовал себя старой развалиной: спина болит, голова раскалывается. Одна радость – выглядит по-прежнему презентабельно и даже еще шикарней, чем раньше: все-таки хорошая одежда имеет значение! Он это рано усвоил, наверное, с тех самых детских лет, проведенных в Лондоне. Мать тогда, добравшись до невиданного изобилия, наряжала сыночка, как куклу. Сейчас, конечно, у него самого возможностей куда больше. Нечего даже сравнивать.

В сочетании с дорогими костюмами красивое лицо, густые светлые волосы, роскошные усы и исполинский рост производили на окружающих неизгладимое впечатление. Особенно, конечно, на женщин.

Сергей усмехнулся, вспомнив, что в глазах каждой второй своей сотрудницы без труда читал восхищенный вопрос: «У вас все такое большое?!» Дамы в офисе прямо-таки заикались начинают в его присутствии. Если бы он только хотел! Но лучше не выдумывать приключений на свою голову. Конечно, у Светки полно недостатков, но все равно она – его супруга, и это на всю жизнь. Да и не такая уж она плохая жена, если разобраться: заботится о нем, переживает.

И даже в соображениях о его фигуре Светка права, как ни крути. Пора за собой следить – спортивными формами, как раньше, похвастаться он уже не может.

Забеспокоившись, Сергей откинул одеяло и посмотрел на живот, который мирно лежал на кровати с ним рядом. Вот дрянь! С окончательно испорченным настроением он встал и поплелся в ванную комнату, дав себе слово, что примет контрастный душ. А на завтрак будет давиться домашним творогом – без сметаны, без варенья, без меда, без сахара. Вообще без всего! И на обед не пойдет.

Под душем и в столовой, а потом садясь в машину, он не мог отделаться от навязчивых мыслей о том, как хорошо было раньше – ел что хотел. И хоть бы капля лишнего жира! Кажется, именно с момента женитьбы все переменялось. Последнее время он все чаще делил свою жизнь на «до» и «после», не отдавая себе в этом отчета. Только сознавал, что состояние легкости исчезло из его жизни сразу же после брака.

Когда ему было четыре, отца отправили в Лондон секретарем советского посольства. А мать – она вообще была женщиной шустрой: Сергей, к счастью, пошел в нее, а не в склонного к меланхолии папу – подсуежилась, поднажала на начальство отца и устроилась представителем Внешторга. Какое волшебное было время! Сергей до сих пор помнил изумрудный цвет английского газона и волшебный вкус fish&chips¹. Он поглощал это незамысловатое блюдо, единственный хит их приходящей кухарки, тоннами. А по выходным мама сама пекла русские блины: с мясом, с грибами. Они складывали их в специальную корзинку для пикника – отцу подарили – и ехали в парк. Обедали, расположившись на траве, а потом шли в Британский музей или в Тауэр. Идиллия продолжалась ровно десять лет, пока отец не сотворил на работе какую-то глупость. Сергей так ничего толком и не понял: то ли он отказался участвовать в махинациях, то ли не хотел кого-то там прикрывать, но факт остается фактом – из посольства его попросту выжили.

После многих лет капиталистического рая семья вернулась в Москву. Сергей готов был выть от обиды. Он ненавидел свой обшарпанный подъезд, нищенский универсам, убогую школу, одетых в рубище одноклассников. Ему и самому пришлось облачиться в ужасную синюю форму, которая сидела на человеке так, словно он был самым уродливым и асимметричным созданием в мире, и от которой невероятно чесалось тело. А самое страшное заключалось в том, что никто повсеместного убожества не замечал. Словно так вот и надо было жить!

Чтобы отвлечься от мыслей о потерянном рае и не изводить себя злостью на недалекость отца, он занялся спортом. Записался в секцию плавания – еще в лондонской школе был лучшим пловцом – и стал ездить в бассейн два раза на дню. Утром, до начала занятий в школе, и вечером, после обеда. Его жизнь теперь была расписана по минутам, на анализ ситуации времени не оставалось, и он был этому рад.

В те годы Сергея преследовало только одно навязчивое желание – он все время хотел есть. Завтрак, обед, ужин и постоянные перекусы заставляли мать носиться по рынкам, магазинам и стоять у плиты чуть ли не целыми днями. На работу ее не брали. Отец сидел в МИДе на смешной должности и каких-то копейках. Денег совсем не стало. Даже обычный заветренный кусок мяса на кости, близко не лежавший с тем, что они покупали в Лондоне, стал для них огромной и редкой радостью.

А потом все вдруг наладилось. Мама нашла работу. Пустые щи сменились наваристым борщом, макароны по-флотски – громадными отбивными, а ежедневные упреки в адрес отца – глухим безмолвием. Папа, вместо того чтобы бороться за себя и семью, ушел в стратосферу. Бродил по квартире потерянный, а потом перебрался жить из спальни в гостиную.

Мать словно не обратила на его выходку никакого внимания: порхала, счастливая, и даже по выходным уходила из дома. А однажды вечером, когда отец уже лег спать – он теперь рано ложился, – закрыла дверь в кухню и рассказала сыну, что у нее появился очень надежный друг. И это благодаря ему теперь дом – полная чаша, благодаря ему она чувствует себя как

¹ Рыба с картошкой – национальное английское блюдо.

за каменной стеной и уверена в завтрашнем дне. С отцом ничего подобного не было. У друга высокая должность, большое влияние, а главное, он души в ней не чаёт! Зовёт переехать к нему вместе с сыном.

Сергей с «другом» отказался знакомиться наотрез, как мать ни просила. Ему стало до слез жалко отца. «Ты переезжай, если хочешь, – разрешил он, – а я уже взрослый. Позабочусь о себе и о папе».

Много раз потом он упрекал себя за то, что остался с отцом: и в момент, когда тот впервые напился, и в период, когда пришлось подрабатывать в кооперативе, и в день, когда принял решение поступать в МГИМО. Отец сразу отрезал: «Ничем помочь не могу». И Сергей ощутил тогда невероятную обиду, словно от крупного проигрыша: как будто бы сделал ставку не на ту лошадь. Сам он был еще слишком молод, чтобы самостоятельно справиться с жизненными проблемами. Пришлось обращаться к матери, которая в два счета устроила поступление через своего «друга». Дальше отпираться от знакомства было совсем уж глупо, и Сергей съездил к ним в гости.

«Дядя Юра» ему понравился: умный, с искрометным чувством юмора. Жизненная энергия в этом человеке была ключом, и даже разница в возрасте – матери было тридцать шесть, «другу» пятьдесят два – не бросалась в глаза. По сути, с того момента Сергей начал жить на два дома. Чувства отца его больше не волновали – пить надо меньше, – пора было позаботиться о себе и построить надежное будущее...

Машина не успела добраться до первого светофора, как движение перекрыли. Сергей выругался себе под нос: в довершении неприятного утра придется стоять у обочины и ждать, когда соизволят проехать хозяева жизни с мигалками. Невозможно стало ни работать, ни жить из-за этих чинуш! Плати им налоги, содержи их, освобождай дорогу. Замотали!

Чтобы не распалиться напрасно, Сергей извлек из кармана мобильный телефон и начал утренний допрос подчиненных. Мало ли что нет еще девяти! Пусть включаются – за это деньги получают немалые.

– Стас, – первым на очереди вот уже несколько недель был заместитель по вопросам развития, – чем совещание в правительстве вчера закончилось?

– Как всегда, – голос у Станислава был измученный, – издевались над нами. Опять сказали, что компания у нас непонятная, название идиотское и ничего путного...

– А если по существу? – перебил Сергей, стараясь не закипать.

– Если без лирики, то установили жесткие сроки работ по каждому объекту. Не построимся вовремя – все отнимут.

– Что значит отнимут?!

– Признают договор недействительным.

– Мы им заплатили за каждый объект! Живыми деньгами!

– Правильно, – Стас устало вздохнул, – но в контракте есть пункт об обязательствах.

– Там сроки четкие не прописаны.

– Уже не имеет значения. Мэр дал распоряжение: не оставлять в Москве зияющих дыр. Или строить немедленно, или ровнять с землей к чертовой матери.

– Я-я-ясно, – Сергей почувствовал, как его начинает колотить, – если забирают объекты, пусть деньги, которые мы заплатили, вернут!

– Сергей Андреич, – Стас совсем сник, – ну ты-то хоть не глумись.

Повисла тяжелая пауза. Сергей и представить себе не мог, что со вчерашнего дня ситуация так изменилась к худшему.

– Что у них в списке первым? – пробормотал Сергей.

– Универсам на Кутузовском, – обрадовался Стас вопросу по существу, – больше других глаза им мозолит.

– Сроки? Затраты?

– К сентябрю. По деньгам – как обычно, в пять миллионов уложимся.

Сергей застонал. Водитель взволнованно на него обернулся, но он раздраженно махнул рукой.

Значит, деньги нужны немедленно! У него нет ни дня, ни недели. Если Стас не начнет строить – самое позднее – первого июля, сроки они провалят. А с чертовым правительством шутки плохи.

– Готовь, – проговорил он, словно в замедленном проигрыше, – договор с подрядчиком. Будем делать.

Обрадованный Стас рассыпался в благодарностях, комплиментах и отключился, воспрянув духом. А Сергей схватился руками за голову. Зачем он влез в эту чертову аферу с супермаркетами? Мог ведь заняться нормальным бизнесом, который приносит прибыль, а не выкачивает деньги, словно насос! Вот удружил тесть! Недвижимость, строительство, нефть, телекоммуникации – все было бы лучше. Вот где EBITDA² доходит до сорока пяти процентов! А гребаный ритейл? Самый дебильный бизнес, в котором отдачи ждать надо десятилетиями. Разве что авиация по идиотизму с ним может соперничать: вложения бешеные, прибыль медленная. На хрена ему понадобился этот ежедневный взлом мозга?!

Схватив телефон, он в ярости набрал номер Светланы.

– Да, милый, – печально отозвалась жена заспанным голосом.

– В компании беда, – выпалил он, – деньги срочно нужны!

– Ты же знаешь, – ее голос дрогнул, – у меня ничего нет.

– Светик, Светик, – засуетился он, – компания общая! По сути, твой папа всю эту кашу заварил. Он мне обещал серьезное финансирование, иначе бы я на чехарду не согласился!

– Сколько?

– Вчера слышала, – бодро отбил он, – не по телефону же повторять.

– И что? – она поперхнулась.

– И то, – выпалил Сергей торопливо, – он свое обещание до конца так и не выполнил. Ясно?

– Ясно, – Света вздохнула.

– Во-о-от, – протянул Сергей, – поэтому мы и сидим в жопе.

– Сереж, ну, что я могу поделать...

– Милая, – смягчился он, – ты у нас председатель совета директоров или нет?

– Формально, – пролепетала она, – папа велел.

– А теперь, – возбужденно зашептал он, – нужно фактически! Ты должна помочь, понимаешь?

– Может, ты сам? – робко предложила Света. – Я не умею.

– Что тут уметь, – искренне возмутился Сергей, – идешь к папе, общаешься.

– Сереж, ты лучше все знаешь – почему это я...

– Не паникуй, – отрезал он, – просто иди! Все у тебя получится. Крепко целую!

И, прервав связь, с чувством выполненного долга откинулся на спинку кресла.

Правильно! Давно нужно разделить со Светой ответственность. Не может он один и за всех. Операционная деятельность – да, компетенция генерального директора. А уж финансовыми дырами пусть займется председатель совета директоров: у нее и образование подходящее. Хватит дома сидеть и, по сути, играть в куклы: светский кукольный дом, идеальная кукольная семья. Детский сад! Не все только ему вскакивать спозаранок и беспрестанно ломать себе голову над вопросами жизни и смерти компании. Замотали!

² EBITDA – аббревиатура от англ. *Earnings before Interest, Taxes Depreciation and Amortization* – объем прибыли до вычета расходов по процентам, уплаты налогов и амортизационных отчислений.

Машина наконец тронулась с места, и Сергей утомленно прикрыл глаза. До офиса он ехал в абсолютной тишине.

Его появление в здании, как всегда, вызвало переполох. Краем глаза он заметил, что охранник на входе пробубнил что-то в рацию, и, словно по волшебству, раскрылись двери лифта, из которого ему навстречу бросился начальник отдела безопасности. Сергей величественно прошел по коридору, попутно кивая сотрудникам, сгибавшимся перед ним в полупоклоне, вошел в лифт. Двери захлопнулись моментально – весь офис прекрасно знал, что подниматься на свой этаж директор любит один. Сопровождающий безопасник, нажимавший на кнопки, – не в счет.

Сергей, кивнув Ирочке в приемной, прошел к себе. Взглянул с отвращением на компьютер: вчера до восьми вечера пахал, сегодня уже от одного вида офисных прибабасов тошнит. Но куда деваться? Сам мечтал управлять крупной компанией, теперь нечего жаловаться. Бросив портфель на стол, он плюхнулся в рабочее кресло. Опять двадцать пять! Куча бумаг. Начал перебирать документы и уже через несколько минут не думал ни о чем, кроме собственного бизнеса. Лень и усталость словно рукой сняло. Он ощущал приятное возбуждение мысли, которое работало словно наркотик: чем больше возникало идей, тем сильнее они самого его будоражили. Ассортимент. Поставки. Отчет по супермаркетам. Та-ак.

Он вчитывался в отчет, то бледнел, то краснел. Вот дрянь! Откуда эти потери?! Как можно гноить и списывать такое количество товара?! Понятно, если скоропортящиеся продукты. Но алкоголь! Явно воруют и дают воровать клиенту. А безопасник, вместо того чтобы работать, расшаркивается тут перед ним: одна извилинка и та пунктиром. Он что, не понимает – директору важен результат, а не бестолковые реверансы. Получается, пять процентов от оборота компания теряет непонятным образом, то есть, скорее всего, на кражах. Пора заняться контролем! Где только взять двадцать голов и сорок рук, чтобы все успеть?!

Раздался звонок селектора, он нажал кнопку и услышал Ирочкин голос:

– Сергей Андреевич, к вам Маслов.

– Пусть заходит, – разрешил он.

Антон влетел счастливый и, повинувшись кивку шефа, сел в кресло.

– Что скажешь? – пробасил директор.

Сергей давно заметил за собой эту особенность: на работе его голос менялся, становился ниже. Не то что дома, со Светкой или – еще хуже – с ее семьей. Как объяснить странное явление, он не понимал, но привычка пиццать в присутствии жены и ее драгоценных родственников раздражала невероятно.

– У нас все неплохо, – коммерческий директор улыбнулся, – продажи растут. Еще бы несколько магазинов открыть!

– Откроем...

– Сергей Андреевич, – глаза его загорелись, – вы представляете, какие волшебные цены мы получим от поставщиков на большем объеме? Скажем, если закупки пойдут не на пять, а на десять супермаркетов!

– Антон, – Сергей метнул в подчиненного суровый взгляд, – ты эмоциями делиться пришел? Если да – у меня времени мало.

– Я по делу, – Маслов засуетился, – есть идея! Смотрите. Экономика сейчас на подъеме, у людей, которые успели сориентироваться по жизни, деньги есть. Готовить дома им лень, а в кафе каждый день не находишься. Давайте цех свой откроем! Салаты, мясо, котлеты. А дальше посмотрим.

Сергей серьезно задумался: в принципе Маслов прав. Идея хорошая. Даже по собственным пекарням можно судить о том, каким спросом пользуется готовая продукция. Если бы только тесть Светке дал денег!

– Ты посчитай, – кивнул он, – потом обсудим конкретику.

– Так я уже! – радостно отрапортовал Антон и полез в папку за документами.

– Подожди-подожди, – Сергей побоялся поддаться соблазну, – сначала цены сравни на оборудование, тендер проведи. Вернемся к вопросу позже.

– Как скажете, – Маслов загрустил, стараясь не подать виду.

– Не раскисай, – Сергей дружески хлопнул его по плечу.

Антон ушел, а Сергей попросил Ирочку принести ему кофе с печеньем и включил компьютер. Несмотря на то что утро не обошлось без дурных новостей, настроение его после визита Маслова стало хорошим. Вот за что он любит свой бизнес, так это за постоянное движение. За то, что в компании кипит жизнь! А сам он – центр этой жизни; двигатель роста и постоянных новшеств. Только здесь он чувствовал себя, несмотря на трудности и проблемы, по-настоящему нужным и оттого счастливым.

Глава 3

После звонка мужа Света не смогла больше уснуть, хотя всю последнюю неделю вставала с постели не раньше двенадцати дня: торопиться теперь было некуда. Учеба закончилась, диплом она защитила. С чистой совестью и чувством выполненного долга можно переключиться на главное – собственную семью.

Красный диплом финансиста был нужен скорее папе, чем ей. А она, как ее мама, как любая нормальная женщина, ставит во главу угла личную жизнь. По-другому просто не может быть! Кто-то же должен заниматься детьми, домом, пока мужчина зарабатывает деньги и стремится реализовать непомерные амбиции, заложенные в него природой. И ее муж такой же крейзи.

Света посмотрела на часы и печально вздохнула. Не случайно ведь старалась последние дни просыпаться как можно позже: без Сережи день тянулся тоскливо и медленно. Зато если вставать только к обеду, до вечера время пролетает почти незаметно. Можно журналы почитать. Придумать, куда сходить в выходные. Как раз полдня и проходит. Она поправила подушку и села, облокотившись на спинку кровати.

Последняя неделя принесла новые мысли, которые раньше ей в голову не приходили. Пока училась, корпела над дипломной работой, времени не было на копания в себе или в ком-то еще. Казалось, жизнь прекрасна, все хорошо! Конечно, Света поспешила себя одернуть, это правда. Большинству девушек такая счастливая судьба, как у нее, даже не снилась. Любящие родители, любимый муж. Знакомые и подруги еще только мечтают о сказочном принце, а она уже замужем за ним!

Для абсолютного счастья оставалось только родить Сереже наследника – вроде бы он согласился завести ребенка, – и, можно сказать, ее предназначение выполнено.

В своей жизни Светочка давно все спланировала, глядя на маму с папой. Пусть Сережа работает и самореализуется – это нужно мужчине. А она будет обеспечивать ему надежный тыл, хранить семейный очаг и воспитывать детей.

Ей всегда казалось, что двадцать три года – подходящий возраст для первенца. Мама тоже родила ее в двадцать три, и все сложилось прекрасно! Торопиться не стоит, потому что в юности жизненного опыта маловато, женщина еще не сложилась как личность. Что она может дать малышу? А после тридцати уже физически тяжело ухаживать за маленькими детьми. И ведь нужно еще успеть со вторым! А может, и с третьим: как повезет.

Быть единственным ребенком в семье – Света по себе знала – приятно, но вредно: характер портится, начинаются звездные болезни. Да и просто-напросто скучно бывает. Так что лучше сразу двоих. И затягивать нет никакого смысла – чем дальше, тем сложнее. По крайней мере, мама с папой так говорят, а она привыкла им верить.

Проблема была только в одном – двадцать три ей исполнится уже скоро, а на появление ребенка пока нет даже намека. Да и откуда ему быть, если Сережа с того самого момента, как она твердо решила забеременеть, ни разу к ней даже не прикоснулся?! Всю неделю приползает домой усталый и засыпает, едва коснувшись головой подушки.

Света прикусила губу, чтобы не дать воли слезам. Она так скучала по поцелуям и ласкам мужа! Понятно, что он переживает за бизнес и выбит из колеи, но ей-то что делать? Она – живой человек, нормальная женщина и хочет любви. Если бы еще Сергей был сдержанным по натуре, она могла бы понять его охлаждение: ничего не поделаешь, такой человек. Но она-то прекрасно знала темперамент своего мужа!

Достаточно вспомнить, с каким пылом он ухаживал за ней. Каждую свободную минуту – хотя из-за министерства их оставалось не так уж и много – проводил со своей ненаглядной. Несся после работы из центра города аж на Николину гору и вез девушку то в театр, то на кон-

церт, то на выставку. Света невольно засмеялась, вспомнив, как будущий муж смотрел вместе с ней спектакли. Ни в первом, ни во втором акте он даже головы не поворачивал к сцене – все время, не отрываясь, поедал глазами только ее. Одно время она даже всерьез боялась, как бы он не заработал себе искривление шейных позвонков, и старалась садиться так, чтобы в один день оказаться слева от него, а в другой – справа.

После театра они шли в ресторан, и Сережа требовал, чтобы она пересказывала содержание спектакля самым подробным образом, а сам ей все время мешал: целовал руки, заглядывал в глаза и дрожал от возбуждения так, что у Светы у самой начинали бегать мурашки по всему телу.

Рядом с Сергеем она ощущала себя богиней. Только успела закончить школу, а уже встречается с таким взрослым и умным мужчиной, который к тому же влюбился в нее без памяти! Света боялась лишь одного: мнения папы. Конечно, Сережа вел себя как истинный джентльмен – каждый вечер отпрашивал дочь у родителей, привозил ее домой к нужному часу и, несмотря на неукротимое желание, которое не так-то легко было держать в узде, относился к Светлане с большим уважением. Не позволял себе ничего лишнего.

Но все это для папы не имело никакого значения. Он хотел для единственной дочери счастья, а потому мог и не согласиться с кандидатурой Сергея: у молодого человека не было ни капиталов, ни влиятельных родителей. Даже в МГИМО он поступил благодаря собственному уму, а не чьим-то протекциям, что уже само по себе было фантастикой. И факт этот мог подействовать на папу двояко: с одной стороны, хорошо, что дочь встречается с талантливым юношей, а вот с другой – кому нужен талант, если некому финансово его поддержать? Всякому успешному начинанию нужны связи, протекции и капитал.

Тем временем – пока отец формировал свое мнение о поклоннике дочери, проводя с ним ежевечерние беседы за рюмкой элитного коньяку, – Светка влюбилась по уши. Ее уже нельзя было остановить ни пехотой, ни танками. Если бы отец оказался против их брака, о котором Сережа заговаривал последнее время все чаще, Света просто сбежала бы с женихом на край света! И была бы счастлива в тростниковой хижине или даже в коммунальной квартире. Правда, она не очень знала, что это такое, – только читала в книжках.

Но к громадному облегчению молодых, отец не ответил отказом жениху в роскошном костюме, с изысканным букетом орхидей для будущей тещи и трясущимися коленями. Он сказал, что обдумает поступившее предложение.

Передать невозможно, как колотило от страха бедных Светку с Сергеем все две недели, что отец думал. Но, на их счастье, выяснилось, что дядя Юра – папин давний приятель – прекрасно знает Сережу. Молодой человек работает в его департаменте и уже подает большие надежды: ответственен, амбициозен. Скоро пойдет на повышение.

Папа, к безумной Светиной радости, дал свое согласие. И даже больше: попросил Сережу уволиться из министерства и возглавить компанию, идея которой возникла в его гениальной голове уже давно. Не давал он ей хода лишь потому, что не видел в ближайшем окружении хорошего менеджера, который мог бы возглавить новое предприятие.

Боже, какой красивой невестой была Светка! Каким счастьем сияли молодые на свадьбе. И хотя папа строго следил за тем, чтобы частная жизнь его семьи не становилась достоянием общественности, несколько папарацци все-таки прорвались в ЗАГС и наделали сказочных снимков, которые не замедлили появиться во всех светских хрониках. Светка собрала журналы и газеты с их фотографиями и бережно хранила! В статьях только и говорили о том, как повезло жениху – отхватил красавицу и наследницу невероятного капитала. Света тогда даже расстроилась: могли бы тупоголовые журналисты заметить, что и сам жених – настоящий красавец, что его ум и способности дороже всех денег. А главное – что в их едва народившемся союзе виновата неземная любовь! К счастью, снимки влюбленных говорили сами за себя и переубедили даже самых заядлых циников, которым всюду мерещится какой-то расчет.

Медовый месяц Сергей и Света провели в маленькой вилле на Мальдивах, не разлучаясь ни на минуту. Они даже на завтраки и ужины не ходили – заказывали все в номер. И до потери сил занимались любовью, а потом плавали в теплом, расцвеченном разноцветными рыбками океане.

Сережа оказался невероятным любовником: внимательным, нежным. Он делал все, чтобы доставить жене удовольствие, не думая о себе. Для него главным была она – ее радость, ее ощущения. Он непрерывно любовался, гладил, целовал...

От избытка эмоций, нахлынувших вместе с воспоминаниями, Света прикрыла глаза. Веки ее трепетали. Как же хотелось ощутить эти ласки снова! Почувствовать его руки на своем теле, увидеть в затуманенных страстью глазах восторг. Но, как бы ни льнула она к мужу теперь, как бы ни старалась без слов объяснить «я безумно тебя хочу», ничего не получалось. Сергей вдруг перестал интересоваться ею как женщиной.

Впервые так четко сформулировав свои смутные ощущения, Светлана вздрогнула. Неужели она права?!

И что же изменилось за годы семейной жизни? Она подурнела? Потеряла фигуру? Не может быть! Она же следит за собой, все делает, как пишут в ультрамодных журналах.

Отбросив одеяло, Света вскочила с кровати и подбежала к зеркалу. На первый взгляд все по-прежнему.

Но ведь что-то Сергею теперь в ней не нравится! Она подошла к окну и раздвинула портьеры, чтобы спальня наполнилась солнечным светом. Вернулась к зеркалу и стала пристально смотреть на себя, поворачиваясь из стороны в сторону. Фигура такая же, как пять лет назад. Лицо тоже не изменилось: густые брови, пухлые губы, маленький нос и высокий лоб. Никаких морщин, никаких мешков под глазами – маски из красной икры хорошо помогают! Разве что в зеленых с прожилками, как крыжовник, глазах появилось новое выражение – грусти. Но уж в этом-то он сам виноват – стоит мужу приблизиться, и вся ее тоска улетучится! Волосы такие же яркие, как и прежде. В детстве она была светло-рыженькой, но с годами цвет изменился – стал красным золотом. Даже красить не нужно! Сереже ее волосы нравились до безумия: раньше он мог часами держать жену на коленях, зарывшись в них лицом и вдыхая аромат. Длинная шея, высокая грудь, узкая талия. Чтобы убедиться доподлинно в отсутствии пагубных изменений, Света подняла край пеньюара над животом и придирчиво осмотрела себя от груди до ступней. Бедра как бедра, ноги как ноги. Вот ничего же нет страшного! Ни жира, ни целлюлита. Чего он боится?!

В раздражении Света отпустила легкую ткань и, забравшись в кровать, села, подтянув к подбородку колени.

Нет, она отказывается понимать своего мужа! Даже если в компании проблемы, даже если там не все удастся с первого раза из-за каких-то дурацких денег, разве это повод отказывать в близости любимой жене?! Крейзи! Наоборот, нужно прийти домой после работы, расслабиться и забыться в объятиях любимой. Она же для этого здесь и сидит, ждет его целыми днями! А он? Выпить для расслабления выпьет, а любить – ни в какую. Зачем тогда вообще было жениться?

Его же никто не заставлял, не тянул на брачное ложе арканом. Он сам из кожи вон лез, чтобы понравиться ей. Жить без нее не мог ни минуты! И что же теперь?

Света закрыла лицо руками и впервые позволила себе разрыдаться. Да пусть уже слышит прислуга! Устала она держать все в себе. Это невыносимо: почувствовать себя однажды безумно желанной, чтобы потом оказаться ненужной.

Наплакавшись вволю, она вытерла глаза краем пододеяльника. А что, если она сама все-таки не права? Кто его знает, как устроены эти мужчины? Весь ее жизненный опыт – это общение с папой, который всегда был внимателен к маме и к ней, и с мужем, который до недавнего времени не отставал от отца.

Но, может быть, Сережа по своей природе отличался от папы? Ведь бывают же люди чувствительные, которые болезненно реагируют на все внешние факторы и не могут от них абстрагироваться даже в постели. Света читала о них статью в разделе «психология и карьера» «Космополитен». Причем такой тип личности очень опасен: человек не получает морального отдыха и постоянными мыслями о неприятностях самого себя загоняет в тупик. А потом стрессы, болезни. Он портит свою жизнь и, как следствие, жизнь окружающих. Единственный способ его спасти – это помочь избавиться от источника стресса. Одно из двух: или научить относиться к проблемам проще, или сделать так, чтобы проблемы исчезли.

Света задумалась. Менять отношение к жизни взрослого человека сложно. Кроме того, муж не очень-то ее мнению доверяет: все-таки она моложе на целых пять лет. А упрашивать его пойти к психологу бесполезно. Только будет еще один конфликт.

Значит, выход один: помочь ему максимально быстро решить проблему с деньгами. Она тяжело вздохнула. Не было у нее ни малейшего желания вникать в финансовые вопросы, несмотря на новенький красный диплом. Не интересно это, и все! Ей хотелось заниматься детьми – воспитывать их, наряжать и любить так же, как мама с папой любили ее. Не в каждой семье ребенок может быть счастлив – где-то не хватает средств, где-то родительской ласки, – а у нее есть шанс вырастить благополучных, счастливых ребят!

Жаль, что у Сережи оказался такой непростой характер. Ничего не поделаешь – придется идти к своему счастью окольным путем.

А ведь совсем недавно, разговаривая с супругом по телефону, она была совершенно уверена в том, что он прекрасно справится сам. Переборет свои эмоции, успокоится и сходит поговорит для начала с отцом. Вполне вероятно, любимый тесть не откажет любимому зятю: тем более папе как мажоритарному акционеру самому выгодно, чтобы компания процветала.

Ладно! Света решительно встала с постели и направилась в гардеробную комнату – выбрать подходящий костюм для встречи с отцом. Если ради любви мужа она должна поучаствовать в их с папой бизнесе – ради бога. Но только один раз! Дальше пусть разбираются сами. У нее совершенно другая цель: мужу она готова помочь только ради того, чтобы он перестал наконец нервничать и снова ее любил.

Выбрав ультрамодный бирюзовый костюм, Света бросила его на кровать и пошла в ванную комнату. Она вдруг поймала себя на том, что сильно переживает: впервые в жизни ей предстояло разговаривать с отцом о серьезных вещах. Хуже того – просить. Раньше он сам делал для дочери все, что считал нужным, а бытовые мелочи решала мама. На мгновение Света подумала, не обратиться ли лучше к ней – пусть сначала поговорит с папой, подготовит его. Но тут же вспомнила, что Сережа сказал: «Деньги нужны срочно».

Хорошо! Она сделает все возможное: единственной и любимой дочери папочка не откажет...

Офис отца на Новом Арбате был неприметным, размещался в небольшом сером здании. Перед случайными посетителями представал скучный вестибюль, пост охраны и безликая лестница, ведущая к лифтам. Зато стоило допущенным избранным подняться на седьмой этаж, как картина перед глазами менялась, словно элеватор переносил людей не между этажами, а между сословиями. Чувство было такое, словно не изменилось ничего со времен Московской Руси: на первом этаже – холопы, дальше – крестьяне, потом – посадские люди. Чем выше шел лифт, тем привилегированнее оказывалось положение обитателей этажа. Условно говоря, стрельцы, дворяне, бояре и наконец Царь.

Когда Света впервые попала на папин этаж, то невольно ахнула от изумления, а потом рассмеялась. Эрмитаж пришел в голову в первую очередь, и от папы она узнала, что архитектор, которому посчастливилось возглавить проект, был родом из Питера, жил мечтами о высоком искусстве. Вот на папином-то офисе он и разошелся – средства были выделены громадные, заказчик ничем не ограничивал. Когда еще доведется построить дворец, пусть всего лишь

на одном этаже отдельно взятого офиса? Художник развернулся в полную силу воображения: мощь и великолепие, вычурность и изящество. Палаты, достойные его величества, а не рабочие кабинеты.

Конечно, отцу – Света это знала наверняка – подобная роскошь была безразлична. Он всегда говорил, что прекрасно может работать в любых условиях: подойдут даже обычные крашенные стены, как в коридорах студенческих общежитий. Жил же он раньше в одном из таких и даже был счастлив.

Отец открыто посмеивался над амбициями нанятых им строителей, но не мешал: если люди стремятся таким образом выразить себя, в добрый путь! Лишь бы качественно и аккуратно. Да и на многочисленных русских партнеров, инвесторов убранство кабинетов действовало самым магическим образом. Не нужно было ничего объяснять: люди без слов понимали, что хозяин – пусть и простодушный с виду мужчина – именно «царь».

А вот иностранцев папа в свои хоромы не приглашал: у западного человека другой менталитет. Он знает, что любые роскошества в кабинете руководителя – это лишние издержки для бизнеса. И папа так же считал. Но жил-то он в России, а не в Европе, и если уж все здесь стали крейзи, когда дорвались до больших денег, то и он должен был соответствовать.

Света иногда всерьез задумывалась над тем, что ее Родина обладает азиатским менталитетом. В Москве, чтобы тебя заметили и признали, приходится учитывать эмоции окружающих и производить на людей сильное впечатление, даже если нет ничего за душой.

Но у отца было все. И он никогда не кичился созданными с нуля капиталами: не играл на публику, не давал интервью. Зато в России не было ни одной прибыльной области, в которой бы он не участвовал, – любимой его пословицей была про яйца в разных корзинах. Георгию Валентиновичу была интересна суть и работа денег, а не застилающая их мишура.

Юная Танечка в приемной, увидев Свету, ойкнула и засуетилась. Стала перебирать ключи переговорных комнат, растерявшись и не зная, в какой из них лучше расположить дочку великого человека. Наконец выбрала «Екатерининскую» и пролепетала извиняющимся тоном: «Светлана Георгиевна, у нас совещание». Света успокоила девушку легким кивком и полуулыбкой и в который раз мысленно удивилась манере Танюши объединять себя и шефа в местоимение «мы».

Идя вслед за Таней по ручной работы ковровой дорожке, гасившей звуки, Света подумала о том, нет ли, грешным делом, нетрудовых отношений между папой и его молодой помощницей. Преданная Танюша так смущенно прячет глаза и так сильно переживает, когда встречается с дочерью шефа, что можно и усомниться в исключительности ее профессиональных качеств. А впрочем, это всего лишь домыслы. У Светы за всю жизнь не было повода заподозрить отца в изменах маме.

Она прошла в предупредительно распахнутую помощницей дверь и устроилась в глубоком кресле с позолоченными декорами на подлокотниках и на спинке.

– Чай, кофе, – пролепетала ассистентка, – свежавыжатый сок?

– Спасибо, Танюша, – сейчас Свете нужны были одиночество и тишина, – не нужно.

Таня моргнула обиженно и выпятилась за дверь. Странная девушка – никогда не поймешь, что у нее на уме. Если человек не испытывает в данный момент жажды, на что же тут обижаться?!

К счастью, папина помощница ретировалась быстро и дверь за собой плотно прикрывала.

Конечно, первый в ее жизни – и она очень надеялась, что последний – деловой разговор должен был состояться не с чужим человеком, а с собственным отцом, но все равно ей было страшно. На какие именно цели она станет просить деньги? Понятно, что «на развитие». Но в такой щекотливой ситуации хотелось бы объяснить все в деталях. У отца совершенно понятная по роду его занятий привычка вытягивать из собеседника максимум информации. Да Света и рада была бы все рассказать, только сама ничего толком не знает! Лучше будет обрисовать суть

проблемы, а за подробностями обратиться к Сергею. Зря он отказался решать этот вопрос сам. По крайней мере, ехать в офис к отцу им нужно было вдвоем! Плохо, что эта здравая мысль пришла ей в голову только сейчас.

Дверь переговорной комнаты по-деловому быстро и в то же время величественно раскрылась. На пороге появился улыбающийся отец.

– Каким ветром, зайчонок?!

Он раскрыл Свете объятия, и она радостно, как в детстве, бросилась к нему.

Руки отца были сильными и теплыми. Она прижалась к папе и ощутила, что спокойствие наполняет ее. Конечно, он поможет и все решит! Как всегда.

– Соскучилась! – искренне сообщила она, вдыхая терпкий аромат с его морщинистой шеи.

– Я рад, – отец отстранил дочь от себя, чтобы полюбоваться, – выглядишь хорошо!

– Спасибо, – она улыбнулась смущенно, – как тебе мой костюм?

– Крейзи! – подмигнул он, и они рассмеялись. – Ладно, – отец выдвинул для дочери стул и помог сесть, – рассказывай, что у вас там стряслось.

– Почему сразу «стряслось»? – Света смущенно опустила глаза.

Способность отца угадывать чужие мысли всегда ее поражала. Когда она училась в школе, он ни разу за все десять лет не заглянул в ее дневник, зато каждый вечер за ужином безошибочно констатировал: «У Светочки сегодня пятерка» или «Не расстраивайся, зайчонок, завтра пойдешь и свою тройку исправишь».

Как?! Света сначала думала, что мама рассказывает все отцу, но ни тот, ни другая не сознавались. И она решила провести эксперимент. Специально забыла дневник в школе, а на вопрос мамы «какие оценки?» ответила «никаких». Но папа, как всегда, не ошибся: «Сегодня у Светика две четверки». Бедная девочка не знала, что и подумать, пока отец не раскрыл ей глаза: не рассказал про интуицию. Объяснил он все очень просто – так, что было понятно и девятилетнему ребенку. Оказывается, эту способность, лишь бы она была дана от рождения, человек может очень неплохо развить с помощью незатейливых упражнений. В качестве одного из них папа и использовал Светины оценки в школе. А, кроме того, каждое утро, выходя из дверей квартиры, он загадывал, кого первым встретит на пути – женщину или мужчину. Потом загадывал номер автобуса, который первым подойдет к остановке. Обдумывал, кто из коллег в НИИ явится к нему в течение дня за советом. И даже предполагал, в каком настроении придет на работу главный конструктор.

Чем больше он упражнялся, тем чаще оказывался прав в своих предположениях. Света так и не поняла до сих пор – действуют в папиной интуиции законы логики или высшие силы, но то, что со временем отец научился безошибочно прорицать некоторые изменения в бизнесе и политике, а заодно угадывать мысли людей, было правдой. И сама она не раз имела случай в том убедиться.

Тогда, в девять лет, Света тоже заинтересовалась упражнениями на интуицию – на уроках загадывала, кого следующим вызовут к доске и какие оценки получают она сама и ее одноклассники за контрольную работу. Но эта игра довольно быстро ей надоела. Чем-чем, а упорством она никогда не отличалась. Не то что папа, который ни разу в жизни не отступил от намеченных целей. И тратил на их достижение не столько сил и времени, сколько хотел, а ровно столько, сколько было нужно для результата.

– Маленькая моя, – отец сел напротив, – у тебя же на лице все написано. Рассказывай. Будем думать, чем вам помочь.

Ободренная ласковым голосом папы, Света сразу заговорила о главном – о своем муже. Сергей переживает, стал раздражительным. Ему тяжело поставить дело на ноги с помощью того капитала, который был вложен в создание предприятия. Ведь в планах была совершенно другая сумма! Света сама прекрасно об этом помнит...

Отец слушал внимательно, не перебивал, и по его невозмутимому лицу нельзя было ничего понять. Когда дочь закончила, он выдержал грандиозную паузу и потом проворчал что-то себе под нос.

– Что ты говоришь? – переспросила Света взволнованно.

– Да вот, – отец улыбнулся, но в его глазах промелькнула печаль, – ругаю свою хваленую интуицию.

– Не понимаю...

– И не надо, – лицо его стало серьезным, – ты передай мужу, что, когда я начинал бизнес, у меня не было и сотой доли той суммы, которой распоряжается он.

– Папочка, – Света засуетилась, – но ты же гений! Таких больше нет. И времена были другие, ты помнишь?

– Зайчонок, я все помню, – отец протянул руку и взял Светину ладонь, – и хочу тебе помочь.

– Вот и прекрасно, – Света благодарно заулыбалась, – прекрасно! Я знала, что ты не откажешь.

– Света, – он снова выдержал паузу, – я готов помочь. Но не деньгами.

– Что-о?

Не улавливая смысла сказанного, она с растерянной улыбкой смотрела на отца.

– Я сказал, – его голос был по-прежнему ласковым, – что не могу сейчас поддержать ваш бизнес материально. Если понадобится помощь моих людей или связи...

– Папа! – Света выдернула руку и, вскочив, закружила по комнате. – Так ведь нечестно!

– Доченька, – отец остался сидеть на месте, с трудом пряча улыбку, появившуюся на губах, – какая же ты еще маленькая! Миром правят обстоятельства, а не честность. И в выигрыше тот, кто умеет обратить их себе на пользу.

– Но обстоятельства у Сережи необратимые, – выкрикнула она, вдруг превратившись в капризную девчонку, какой часто бывала в детстве, – ему нужно строить магазины! Ты же сам посоветовал купить эти дурацкие заброшенные объекты!!!

– Сядь, – в голосе Георгия Валентиновича появилась подзабытая Светой строгость.

Она вздрогнула от неожиданности и, часто заморгав, покорно опустила на стул.

– По-моему, – отец говорил с расстановкой, – оба вы заигрались! Твой муж – в крутого бизнесмена, ты – во влюбленную дурочку...

– Что?!

– Я тебя не перебивал, – взгляд отца полоснул, словно лезвием, – вот и ты наберись терпения. Можешь думать обо мне что угодно, но компании создаются не для того, чтобы нести убытки. Три года с момента открытия первого магазина – огромный срок, и если твой ненаглядный Сережа не в состоянии получить прибыль и обеспечить развитие, я найду другого менеджера. Не сомневайся.

– Как...

– Очень просто, – он раздраженно повел плечом, – я уже думал об этом.

– Подожди, – Света внезапно почувствовала, что пол под ней движется, словно она оказалась не в офисе в центре Москвы, а на борту корабля в открытом море, – он же сойдет с ума! Он живет этой компанией, этими супермаркетами, которые ты для него придумал!

– Не для него, – отец бросил укоризненный взгляд, – для тебя. И для себя, если на то пошло. Не могу же я называть себя успешным инвестором и сливать при этом миллионы долларов в канализацию! Я надеялся, что ты заинтересуешься бизнесом, начнешь участвовать в управлении.

– Я, – Света поперхнулась, – я все-таки женщина...

– Все-таки, – отец передразнил, расстроенно покачав головой, – ты на мать свою меньше смотри. Вбила себе в голову... мода, журналы! А ей просто повезло, что встретила именно меня, а не какого-нибудь неудачника. Иначе прозябала бы в нищете. Дура дурой.

Света остолбенела. Никогда, ни разу в жизни не слышала она от папы в адрес мамы дурного слова. Он всегда был весел и доволен женой. Благодарил по каждому поводу, то и дело ласково целовал ее в лоб. Все в их семейной жизни было прекрасно! Это такая же правда, как и то, что небо – голубое, а Земля вертится. Без веры в эти простые вещи Света не смогла бы счастливо жить.

– Ты, как ты... можешь, – она запнулась и уже не смогла договорить.

– Я на другой вопрос ответить себе не могу, – отец смотрел дочери прямо в глаза. – Как я прожил с ней все эти годы?

Он помолчал и, остановив жестом попытки дочери возразить, продолжал.

– Конечно, сначала любил, – он вздохнул, – ни о чем больше не думал! А с годами стал замечать, насколько мы разные. Я шел вперед, развивался. Она сидела дома. Я создал компанию, другую. Она варила борщи. Я сколотил капитал. Она засела в салоне красоты. У нас уже давно нет общих тем. Наверное, с момента твоего рождения я начал понимать, что Валя – не мой человек. Но ради ребенка... а теперь уже нет смысла менять. Да и жалко ее.

Света сидела, низко опустив голову. Из ее глаз на музейный стол крупными каплями начали падать слезы. Отец достал из кармана платок и подсел рядом. Вытер ей щеки, как маленькой, и привлек к себе на грудь.

– Прости, – шептал он взволнованно и сбивчиво, – прости. Я бы молчал до конца дней, если бы... в общем... бедненькая ты моя, маленькая, ...нужно быть сильной! Я не могу жить вечно даже ради тебя. Придется учиться делать что-то самой. Как-то управлять этим всем. Ты уж прости меня...

– Папа! – Света обняла его за шею и разрыдалась.

Она не понимала своих ощущений, не могла объяснить почему, но, не задумываясь, приняла сторону отца. Даже в ущерб матери. В этой ситуации, когда ужасная правда открылась ей, перевернув все с ног на голову, она жалела и понимала только его. Почему? Почему?! Неужели они с папой, как все говорили, настолько близки по характеру и похожи в жизненных принципах?! Конечно. Ведь именно он всегда был для дочери авторитетом и сам ее воспитал.

Мысль о деньгах, которые Света должна была добыть ради мужа, из-за пережитого шока вылетела у нее из головы.

– Дочка, – отец укачивал ее в своих объятиях, – мне так жаль...

Он отстранил Свету, вытер платком ее заплаканные глаза и, глядя сочувственно, начал ласково говорить, объясняя все по порядку.

– Зайчонок, я тебя очень люблю, – тяжелый вздох папы резанул прямо по сердцу: Света увидела вдруг, каким старым стал этот шикарный и всегда молодой, на ее памяти, мужчина, – я хотел бы вывести из оборота других компаний нужную тебе сумму. Но у меня плохое предчувствие... нельзя сейчас ослаблять предприятия ради бизнеса, который пока едва держится на плаву. Можно все потерять!

– А как же Сережа? – всхлипнула Света. – Пусть его супермаркеты тонут?!

Она увидела, как по лицу отца тенью пробежала печаль, с которой мешалось разочарование.

– Ох, доченька-дочка...

Глава 4

Глеб первым выскочил из электрички. За те шесть дней, что провел в гребаных тамбурах, прячась от контролеров, он стал похож на бомжа – грязный, растрепанный и насквозь пропахший дешевым куревом. Как ни старался, а успеть до своего дня рождения в Москву он не смог: так и отметил совершеннолетие, сидя на рюкзаке посреди какой-то поселковой платформы. Их было так много за время пути, что даже названия населенного пункта Глеб не запомнил.

Вместо праздничного стола – банка тушенки, кусок белого хлеба и запах вокзального туалета. Полный трындец! Лучший способ начать новую, счастливую, жизнь. А впрочем, он никогда не был суеверным – главное, что добрался.

Ему не терпелось глотнуть свежего воздуха и избавиться наконец от отвратительного чувства стыда, перемешанного со страхом. Все время в пути ему мерещилась милиция: поймут на каком-нибудь вокзале за безбилетный проезд, посадят в тюрьму, а потом – это был бы конец – отправят обратно к матери.

Милиции поблизости не было, и Глеб вздохнул с облегчением. Пронесло! Он поднял лицо к затянутому тучами небу и едва сдержался, чтобы не закричать, что есть духу: «Москва-а-а!» Вот она, свобода!

Торопясь уйти от электрички на безопасное расстояние, Глеб зашагал вперед. Куда он шел и зачем, для него самого оставалось загадкой. Но чувство эйфории захватило его. Он сам вырвался из безысходности, сам преодолел препятствия. Даже сумел позвонить матери, все объяснить, хоть и наслушался на всю оставшуюся жизнь. Вот теперь он точно стал взрослым: собственная судьба только в его руках.

Глеб вышел на Площадь трех вокзалов и огляделся. Сердце его бешено колотилось от восхищения – он не замечал ни мусора на асфальте, ни убогих ларьков, ни огромных луж, издававших ужасный запах. Столица виделась ему громадным дворцом, в бесчисленных коридорах которого расположились сотни и даже тысячи судьбоносных дверей – можно выбрать любую, смотря по призванию и таланту. Он давно уже выбрал свою: оставалось только дойти до нее и постучаться.

Любуясь, он простоял неподвижно несколько минут, пока прямо на него не налетела толпа людей, выросших словно из-под земли. С сумками, чемоданами. Его столкнули с места, поволокли за собой. Обескураженный и веселый, Глеб стал с хохотом выбираться из живого лабиринта, тащившего его обратно, к вокзалу.

Какая интересная жизнь! Сколько разных людей! Ему уже грезилось, как он будет бродить по московским улицам, постигая окружающий мир.

А потом сдаст экзамены и превратится в студента. Дверь психологического факультета дожидалась его вот уже несколько лет – с тех самых пор, как он заболел мечтой стать настоящим ученым. Грамотный психолог должен уметь наблюдать за людьми и потом делать выводы. Благо вокруг миллионы лиц и у каждого – свое выражение, своя маска, своя история. Такой богатый материал для исследований! Не то что в его крошечном городке, где жизнь каждого как на ладони: что догадки, что прогнозы – без пользы. А в Москве можно годами ездить в метро, бродить по улицам и не встретить ни одного знакомого лица! Каждый прохожий – необъятных размеров айсберг. Неразгаданная вселенная!

Хотя... и родные люди преподносят порой сюрпризы. Глеб тяжело вздохнул, вспомнив про письма в своем рюкзаке, о которых забыл всего на несколько минут: впервые за последние дни. И был счастлив уже от этого. Конечно, благодаря адресу на конверте он теперь знал, где живет отец. И это плюс. Но все равно Глеб уже тысячу раз пожалел о том, что взял письма с собой! А хуже того – прочитал. Временами ему казалось, что правильнее было бы забрать у

матери деньги, чем забираться без спросу к ней в душу. В душу близкого – и в то же время совсем, как оказалось, незнакомого – человека.

Это были не письма отца, он ошибся. Глеб, лось египетский, прихватил с собой неотправленные письма матери к своему бывшему мужу! Оказывается, она писала их, запечатывала и складывала в сундук. То ли считала, что не пришло время отправлять, то ли не могла побороть своей гордости. Но сколько боли было в этих испещренных мелкими каракулями листах. Сколько любви и обиды!

Если бы Глеб только мог представить себе раньше, что именно маме пришлось пережить! На многое смотрел бы иначе. Отец изничтожил мать.

Муж вытворял с ней все, что хотел, и не испытывал ни малейшей вины: считалось, что первая беременность была ее собственной прихотью, на которую она решилась, чтобы женить на себе отца. Пусть даже и так. Но как она любила его! Всю жизнь. Безответно и безнадежно.

На горе себе, Глеб прочитал в письмах, что еще в то время, когда родители жили вместе – он тогда был младенцем, – отец не стеснялся болтать на весь город, что ненавидит свою жену. Что она женила его на себе против воли, и пусть теперь она пожинает плоды! Трое сыновей, которых он непонятным образом народил с нелюбимой женщиной, нисколько его не смущали. Все заботы о хлебе, о доме он непринужденно переложил на плечи жены. А сам занимался тем, что «искал себя». Ни одна работа ему не подходила – просидев два месяца за бумагами, он увольнялся; прохаживая полгода на завод, поднимал хай до небес и орал, что «больше ни за что, никогда»; устроившись слесарем в универмаг, через неделю сбегал. Сначала мать суежилась, что-то искала для него, а потом и сама отчаялась: вывертам отца не было никакого предела. Она завела огород и каждый день после работы пропадала на грядках. Пыталась отправить отца с урожаем на рынок, но тот заартачился, как осел. Обвинил жену в том, что она хочет окончательно разрушить его репутацию, сделать на весь город шутом. Не хватало еще, красивый молодой мужик – и встанет за прилавок с картошкой!

«Репутация» волновала отца не потому, что он надеялся на солидную должность или планировал заняться каким-нибудь делом. Ему нужны были женщины. Он влюблялся и волочился направо и налево. Часто не приходил домой ночевать. А иногда – того хуже – приводил с собой какую-нибудь бесстыжую девку и заставлял мать накрывать для них ужин, прислуживать. Все это на глазах у троих детей, пусть и совсем маленьких...

В своих жутких письмах мать без конца вспоминала. Рассказывала о прошлом, страдала. А после всего – вот этого Глеб уже не в состоянии был понять – писала, что готова терпеть что угодно, готова целовать гребаному мужу ноги и стелить постель для девиц, которых он будет притаскивать в дом, лишь бы быть рядом!

Самым страшным открытием, которое заставило поверить Глеба в то, что мать, как он давно уже боялся, сошла с ума, было упоминание о тех самых деньгах. Оказалось, что все эти невообразимые миллионы в нитяных чулках заработала она сама, торгуя на рынке, экономя каждую копейку и отказывая семье во всем! Деньги нужны были ей для мужа – чтобы, когда он вернется к ней, не наделать прежних ошибок. Не раздражать его бедностью, не отвлекаться на заработки, не ходить за детьми (слава богу, они уже выросли) – жить только ради супруга и угождать мужу во всем. Рукотворный рай, который она готовила им двоим на земле.

Глеб едва сдерживал ярость, когда читал это последнее письмо матери, сидя в грязном тамбуре на корточках. С тех пор как она его написала и не отправила, прошло уже целых два года, а бредовые идеи, кажется, до сих пор оставались при ней. Она все еще верила в то, что муж ее одумается и вернется...

Вот это было чудовищно! Только теперь Глеб стал понимать, откуда в матери столько грубости и жестокости: она мстила своим сыновьям – тоже мужчинам – за то, что ее бросил любимый муж. Отыгрывалась на них за полученные обиды.

Но ведь это несправедливо! Мало того, что ее дети уже пострадали – росли без отца, – так она их еще за это и мучила!

Глеб невольно сжал кулаки. За долгое время в пути он выучил письма матери наизусть. И теперь, приехав в Москву, понимал, что не успокоится, пока во всем до конца не разберется. Кто это все-таки – человек или зверь – его отец? Почему он так поступил? Даже если не любил жену, неужели не мог попытаться быть порядочным ради троих сыновей?!

Думая про письма, Глеб разнервничался так сильно, что на лбу выступил пот. Счастливое состояние, которое он ощутил в первые минуты, едва сойдя с электрички, пропало бесследно: прежде чем строить свое будущее, нужно бы разобраться с собственным прошлым. Он должен увидеть отца. Пока он еще не мог для себя решить, отдавать ему письма матери или нет, и подумал, что будет действовать по наитию. Если почувствует, что отец способен понять, – отдаст. А если нет, то не будет о них даже заговаривать. Скажет, что приехал с единственной целью: познакомиться с товарищем, произведшим его на свет.

Глеб пошарил в рюкзаке за своей спиной и нащупал завернутую в пакет банку консервов: свой последний обед. Дальше нужно заботиться о хлебе насущном. Ладно, все это – позже. Сначала встреча с отцом.

Еще в электричке он пытался выяснить у людей, где находится в Москве улица Академика Миллионщикова, но никто толком не знал. Твердили одно: «Приедешь, иди в метро. Там разберешься».

Мысль о том, что надо спуститься в метро, окончательно испортила настроение. Во-первых, он понятия не имел, что там и как: до какой станции ехать, где покупать билет, хватит у него денег на проезд или нет? За время в пути из своих сбережений он тратился только на хлеб: на электрички все равно не хватало. Дай бог, чтобы хоть на метро...

Глеб стал осторожно спускаться в подземный переход, обозначенный красной буквой «М», из которого толпой выходили люди с поклажей. Они торопились на поезд, сшибали с ног.

Глеб прижался к деревянным перилам и, практически скользя по ним, спустился вниз, но в стеклянные двери он войти не сумел – человеческий поток на выход не прерывался ни на секунду. Полный трындец, кто только это придумал?! Пытаешься открыть дверь, чтобы войти, и тут же получаешь ею по носу – человек, который выходит, выталкивает ее от себя изо всех сил. Так и поубивать друг друга можно! Двери жутко тяжелые. Вот тебе и дворец! Войти хотя бы...

– Куда прешь, идиот? – услышал он раздраженный мужской голос у себя над головой.

Глеб поднял глаза и уперся взглядом в чей-то необъятный живот, затянутый в полосатую майку.

– В метро надо, – покрываясь холодным потом, объяснил Глеб.

– Вход за колонной, – мужчина неожиданно рассмеялся, – подальше пройди, деревня!

Глеб послушно отступил и поплелся в указанном направлении. К его изумлению, здесь все было грамотно: люди запросто входили, и он тоже вошел. А потом застыл в недоумении перед турникетами. За долю секунды в его голове пронеслось множество мыслей. Куда деньги совать? В эту крошечную дырочку? А главное – сколько? Здесь отверстие как для монеты, а у него деньги бумажные.

– Молодой человек, – услышал он сердитый окрик из стеклянной будки, – вы или жетон на проезд купите, или отойдите совсем, не мешайте движению!

– Где? – испуганно спросил он, инстинктивно двигаясь к будке.

– Да не у меня! – запаниковала дама в форме, видя, что грязный юноша с походным рюкзаком приближается к ней: набегаются по лесам, напьются до потери сознания, потом не соображают совсем. – Вон в том окошке!

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Глеб и сменил курс.

Женщина смотрела ему вслед, качая головой – вот молодежь! А Глеб наконец добрался до киоска и, увидев цену на одну поездку, вздохнул с облегчением. Всего две тысячи рублей.

– Один, – проговорил он, пригнувшись к окошку и протянув скомканные купюры.

Потом взял брошенный ему пластиковый кружок и, немного поколебавшись, решился спросить:

– Простите, а вы не знаете, на улицу Академика Миллионщикова до какой станции ехать?

Кассирша посмотрела на него как на инопланетянина и отрицательно мотнула головой.

– Следующий! – проговорила она уже в сторону.

– Вы до «Коломенской» езжайте, – посоветовала ему девушка из конца очереди, неизвестно когда успевшей образоваться, – а там кто-нибудь подскажет!

Глеб благодарно улыбнулся своей спасительнице и, торопливо отойдя от окошка, направился к турникетам. Но пройти не решился: так и застыл перед одним из них в страхе. Неугомонное воображение рисовало образ адской машины, почти гильотины, которая – стоит только человеку замешкаться – бьет по ногам и ломает кости.

Он постарался избавиться от видения, зажмурив глаза. Но наваждение не исчезало. Египетский лось! А пройти-то придется – ехать надо. Он приготовился к старту. Поправил на спине рюкзак, протянул заранее руку. Сунул в щель турникета жетон и тут же рванул вперед. Толстые железные языки жадно высунулись и больно ударили по ногам.

– Молодой человек! – услышал он сквозь гул в ушах уже знакомый окрик, – куда вы торопитесь?! Механизм не успел еще на жетон среагировать.

Смысл этих слов так и остался за пределами его понимания. Сейчас он был способен только на то, чтобы благодарить господ: ноги остались целы. Едва отдышавшись, Глеб увидел неминуемое продолжение своего пути и чуть не взвыл от отчаяния: гребаный эскалатор полз вниз, не останавливаясь ни на секунду. Как же заскочить на эту постоянно движущуюся ленту?! Да еще в потоке людей, когда ни собственных ног, ни пола не видно. Одно дело читать обо всем этом в книгах или смотреть в кино, а другое – столкнуться в жизни.

Гораздо лучше было б спуститься пешком. До чего ж эти москвичи ленивые, понастроили на каждом шагу «механизмов»!

Едва справившись с заходом на эскалатор и сходом с него, Глеб окончательно пожалел о том, что приехал в Москву: его обуял ужас перед дико ревущим составом, который несли прямо на людей, стоявших у края платформы...

Пока нервничал, пока искал нужную ветку метро, пока ехал, пока брел по улице, наступил вечер. Глеб удивился тому, как быстро прошел его первый день в столице: вроде только-только приехал, а уже пяти часов как не бывало. Странно. В родном городе время никогда так не бежало.

Он шел, с любопытством разглядывая громадные дома, и изумлялся темпу московских улиц. Люди проносились мимо на такой дикой скорости, словно боялись опоздать на пожар. А ведь наверняка просто идут с работы домой! На таком скаку и оглянуться-то вокруг себя не успеешь, не то что других людей разглядеть. Значит, самое интересное в жизни проходит мимо. Хотя это ведь для него, для Глеба, интересное. Другим, может быть, ничего подобного и не надо.

Вот он, дом номер семь! Сердце Глеба бешено заколотилось, он запрокинул голову – казалось, окна родного отца должен узнать вот так, по одному только взгляду на них.

Он долго, до боли в глазах, вглядывался в одинаковые прямоугольники окон, задернутые изнутри разноцветными занавесками; руки и спина его покрылись потом от напряжения, но узнавание не приходило. Тогда он начал хитрить: поделил номер квартиры на четыре, подсчитал этажи и уставился в выбранную по этим расчетам точку. Ничего. Он ощущал лишь легкое волнение – как перед выпускными экзаменами, но и только.

Словно зомби, лишенный жизненных сил, Глеб поплелся к двери. Открыл ее и вошел в подъезд с таким ощущением, будто бросился вниз головой в ледяную прорубь. Что ждет его в этой московской квартире? Обрадуется ли сыну отец? Если б он только мог знать ответы на эти вопросы!

Старый лифт приехал на первый этаж, грохоча, словно ведро с гвоздями, и распахнулся с таким ужасающим скрежетом, что Глеб невольно отпрянул. Да ну его совсем! Хватит на сегодня сражений с железными монстрами. Он подбросил на плечах отяжелевший от его собственной усталости рюкзак и пошел вверх по лестнице. Не смертельно – одиннадцатый этаж.

Но если подумать о том, что раньше он и не бывал в зданиях выше пяти этажей, дух начинало захватывать, а колени подгибались от страха. К шестнадцатому пролету Глеб начал отчетливо чувствовать, как лестница под ним шатается, словно от ветра. Неужели так высоко?! Он схватился рукой за стену и присел на ступеньку, чтобы отдышаться. Атмосферные волнения прекратились, и он сообразил наконец, что эти ощущения – от усталости и от голода. Еще шесть пролетов!

Глеб наконец добрался до черной железной двери и застыл перед ней, не решаясь протянуть руку к звонку. Что он скажет отцу? Как объяснит свое появление?

Чем дольше он размышлял, тем труднее было нажать на кнопку. А потом вспомнил про письма и ощутил ответственность за мать. Если уж она положила свою жизнь на плаху, построенную этим человеком, он хотя бы обязан об этом знать!

Торопясь, пока не прошла решимость, Глеб изо всех сил надавил на звонок и услышал птичьи трели внутри квартиры. Потом все затихло. Он пытался себе представить, как выглядит теперь его отец. Когда бросил мать, ему едва исполнилось двадцать пять, значит, сейчас немногим за сорок. Поседел он уже или нет? Появились ли на лице, которое Глеб выучил наизусть по фотографиям, морщины? Пропал ли отчаянный блеск в карих глазах? Раньше, до писем, отец казался сыну просто беспутным романтиком, который, как и сам Глеб, не смог вынести жизни рядом с алчной и приземленной женщиной, а вот теперь, всего за несколько дней, он превратился чуть ли не в дьявола, истязавшего его бедную мать.

Глеб вздрогнул, когда дверь бесшумно отворилась, и увидел прямо перед собой прозрачную пустоту.

– Вам кого? – раздался тонкий голосок откуда-то снизу.

Он опустил глаза. Перед ним стояла светленькая девочка лет восьми и смотрела строго, даже требовательно. В карих глазах не было и капли удивления или испуга – только знакомый отчаянный блеск. У Глеба пересохло во рту.

– Александра Кузьмича, – едва выдавил он.

– Папа еще не вернулся с работы, – отчеканила маленькая хозяйка и перешла отчего-то на «ты», – будешь ждать?

– А можно? – смущенно поинтересовался он.

– Сейчас у мамы спрошу.

Не успел он и рта раскрыть, как девочка удалилась в комнату, оставив его одного на пороге чужой квартиры. Глеб огляделся. Никакого особенного убранства здесь не было: вешалка для верхней одежды, полка для обуви. Он заметил, что линолеум у входа заляпан уличной грязью, а за дверью в комнату скатался огромный клок серой пыли, перемешанный со светлыми волосами. Нормально! Даже у его матушки, постоянно пропадающей то в детском саду, то в огороде и не особенно склонной к порядку, таких вещей в доме не допускалось. Или в Москве, в отличие от провинции, не принято следить за чистотой?

Пока размышлял над этим вопросом, дверь из комнаты приоткрылась и показалась часть колеса, а потом выкатилась и вся инвалидная коляска. В ней сидела бледная женщина, почти полупрозрачная в своей худобе. Она казалась бы молодой, если бы не тяжелые мешки под

глазами и усталое выражение блекло-голубых глаз. Волосы у нее были того же цвета, что и у дочери, только очень уж редкие.

– Добрый вечер, – поздоровалась она без тени радушия, – вы к Саше?

– Здравствуйте, – Глеб кашлянул, кивнул и, заметив, что женщина подозрительно оглядывает его одежду и огромный рюкзак, объяснил: – Только что с поезда.

– А-а-а.

– Я, – он сделал паузу, долго думал и потом произнес выбранное словосочетание, хотя и с трудом, – земляк вашего мужа.

Она посмотрела с изумлением. Разница в возрасте между этим Глебом и Сашей, уехавшим из родных краев шестнадцать лет назад, исключала знакомство.

– Родственник? – неловко предположила она.

Глеб снова кашлянул и опустил глаза. Женщина сосредоточенно ждала. Уйти от ответа не представлялось возможным.

– Не совсем, – промямлил он, судорожно подыскивая слова и заранее краснея оттого, что не решится сказать правду, – я сын друга молодости Александра Кузьмича. Меня зовут Глеб.

В знак понимания она наклонила голову. Глеб так и не смог угадать, знает она что-то о прошлой жизни отца или нет. Он растерялся и стоял свесив руки, не зная, как теперь быть: слишком неожиданной оказалась для него ситуация. Пришлось выдумывать этого «сына друга», с которым скоро придется расстаться. Полный трюндец!

Все обернулось совершенно иначе: не так, как он ожидал и много лет подряд рисовал в своем воображении.

Ему и в голову не могло раньше прийти, что у отца могут быть еще дети, другая семья – при его-то отношении к сыновьям и бывшей жене! А уж то, что он живет с женщиной... нездоровой, Глебу не могло и присниться! Образ родителя – легкомысленного прожигателя жизни сначала в добром, а потом и в злобном облики – ни на минуту его не покидал.

– Вы будете ждать? – спросила она.

– Если можно, – торопливо согласился Глеб.

– Тогда проходите в кухню, – она не спросила ни о продолжительности, ни о цели приезда, – Надюша проводит.

– Спасибо, – сердечно поблагодарил Глеб, с огромным наслаждением скидывая с плеч уже, казалось, вросший в них рюкзак.

– Вы, наверное, голодны? – произнесла она неохотно.

– Нет, что вы, – поспешил разуверить Глеб, пытаясь голосом заглушить нехоти заурчавший желудок, – я недавно обедал.

– Прекрасно, – женщина кивнула и, развернувшись на коляске, уехала обратно в комнату.

– У нас папа готовит ужин, когда приходит с работы, – объяснила ему Надя, – чтобы маму не беспокоить.

– Понятно, – на автомате произнес Глеб, не в силах справиться с неожиданным впечатлением. Он все представлял себе иначе! И квартиру отца, и возможных ее обитателей. Был уверен, что если и натолкнется в его доме на женщину, то обязательно пышногрудую красотку в коротком цветастом халате. Даже почему-то воображал, как она станет заигрывать с ним за спиной отца. А тут...

– Мне кажется, – девочка перешла на заговорщицкий шепот, – ты все-таки хочешь есть.

– Да, – он попытался улыбнуться Наде, но гримаса его получилась жалкой.

– Пойдем, земляк папы, – хмыкнула она, словно знала больше, чем мать, – чаем с бутербродами тебя угощу.

В кухне у окна стоял небольшой стол, под ним два табурета. Обычная мебель, старенький холодильник. В серых от пыли кружевных занавесках и такой же салфетке угадывался былой уют.

Надя достала из деревянной хлебницы батон и стала резать его. Куски получались неровными, хлеб сильно крошился. Она нашла в холодильнике сливочное масло и, намазав его на куски, поставила перед Глебом тарелку. Чайник на плите, видимо, вскипел уже давно – бледный чай в кружке, которую она тоже торжественно водрузила на стол, оказался почти холодным.

– Хочешь, ужин сварганим сами? – поинтересовался Глеб с набитым ртом.

– А ты что, умеешь? – скептически прищурилась она.

– Я – суперповар, – похвастался он, – и тебя могу научить. Что будем готовить?

– Папа звонил с работы, велел курицу разморозить.

– Отлично! – Настроение оттого, что он так легко нашел общий язык со своей младшей сестрой – только сейчас Глеб осознал, кем они приходятся друг другу, – улучшилось. Как знать, вдруг они даже подружатся! У него никогда еще не было нормальной семьи, быть может, теперь...

– И давай картошку пожарим, – заулыбалась она, – мы с папой любим.

– А мама? – настороженно спросил он.

– Маме все равно, – Надя спрятала глаза в пол и тяжело вздохнула, – она не любит есть.

Глебу вдруг стало до боли жалко, но не отца и даже не его бедную жену, а Надюшу. Слишком хорошо знал он, что значит быть ребенком и жить под одной крышей с несчастным человеком, от которого целиком зависишь. Вот если бы отец принял его в семью! Он улыбнулся от неожиданно согревшей его сердце надежды. В прошлом родитель наломал дров – это точно, но потом не мог не измениться! Не бросил же больную жену и маленькую дочь. Значит, все понял.

Видно, что им всем тяжело, а Глеб помог бы. И по дому, и с сестрой бы позанимался – уроками, домашними заданиями.

– Ты как учишься? – вырвалось у него.

– Так себе, – отмахнулась она.

– Почему? – он расстроился за нее.

– Неинтересно, – Надюша скорчила кислую мину.

Вот! У мамы нет сил на ребенка, у отца – времени. А брат-студент показал бы ей все самое интересное в книгах и в жизни!

Пока вместе чистили картошку и жадными глазами следили за курицей, посаженной в духовку, успели поболтать обо всем на свете: о Надиной школе, учителях, даже оценках. По кухне начал распространяться умопомрачительный запах, и на душе у Глеба стало легко. Как такое могло случиться? За какой-то час в этой квартире он уже чувствовал себя дома.

Когда на пороге кухни возник мрачный седой мужчина, ни Глеб, ни Надюша его не заметили – они накрывали на стол.

– Вы кто?

Глеб обернулся на низкий бесцветный голос. Перед ним стоял именно отец – какие могли быть сомнения? Но встретить его Глеб в любом другом месте, кроме этой квартиры, никогда бы и ни за что не узнал. Лицо мужчины было острым, как у ястреба, взгляд – колючим. И сам он весь оказался похож на исхудавшего после лютой зимы зверя. Глеб отчетливо видел кости, обтянутые изнуренной морщинистой кожей.

Куда делась беспечная развязность, знакомая Глебу по фотографиям? Куда пропал блеск в распутовых глазах?

– Ваш, – он запнулся, увидев, как брови незнакомца поползли на лоб, – я ваш земляк.

– Без приглашения? – строго спросил он.

– Так вышло, – было противно и неловко оправдываться, – меня зовут Глеб. Глеб Самойлов.

Мужчина вздрогнул всем телом и закрыл костлявыми ладонями лицо. Все его существо обмякло, он не напоминал больше ястреба – скорее, умирающую ворону. Прошло немало времени, прежде чем он взял себя в руки и посмотрел на молодого человека совершенно иначе: затравленно, виновато. Наконец он смог заговорить и, пробормотав «извините», стремительно вышел за дверь.

Глеб медленно опустился на табурет.

– Что это было?! – услышал он возмущенный голос Нади, прозвучавший словно из параллельного мира.

– Не знаю, – Глеб отвел глаза, – наверное, твой папа не рад меня видеть.

– Я заметила, – она огорчилась совсем как взрослая и в эту минуту стала очень похожа на мать, – пойду поговорю с ним.

Через час, после семейного ужина, отец с сыном сидели за столом и смотрели мимо друг друга. Мать с дочерью уже ушли в комнату. Глеб видел, что Нину, жену отца, его присутствие раздражает; она брезгливо ковырялась вилкой в тарелке и не могла при постороннем человеке вести себя как обычно. Ее губы сжимались в тонкую нить, брови соединялись на переносице, руки временами дрожали. Глеб медленно ел, не ощущая вкуса, и мечтал провалиться сквозь землю.

– Так ты надолго в Москву? – спросил отец.

– Как получится, – Глеб пожал плечами.

– Я бы тебя не узнал, – произнес он дрожащим голосом и быстро утер набежавшую вдруг слезу. Глеб заметил, что кожа у внешних уголков глаз отца воспалена и покрыта мелкими трещинками.

– Я тоже, – с тяжелым сердцем ответил он.

– Ты не подумай, – отец виновато отвел взгляд, – Нина – прекрасная женщина. Как я ее люблю! Но такое несчастье...

Глеб не ответил: он уже чувствовал, что отец сейчас заговорит. Фактически видел невыносимую тяжесть, расположившуюся у него на сердце и изо всех сил рвавшуюся наружу.

– Знаешь, – зашептал отец, не заставив себя долго ждать, – это я во всем виноват. Бог ведь наказал Нину за мои грехи. Сколько я причинил зла по молодости! Матери, вам. Как вспомню, что вытворял, слезы сами текут, и не могу поверить... Но память-то не обманешь.

Он шептал и шептал, а гребаная тяжесть, которую он сбрасывал со своей души, находила пристанище в сердце Глеба.

Отец влюбился по-настоящему, только когда ему исполнилось тридцать лет. Она была москвичка, происходила из артистической семьи и сама работала в цирке воздушной гимнасткой. Между отцом и Ниной была большая разница в возрасте. По выражению глаз отца Глеб прекрасно видел, какую гордость испытывал тот, заполучив через три года невинного знакомства девушку, за которой, как за фантомом, гонялся, по сути, целую жизнь. И все было сказкой: свадьба, ее гастроли, его работа фотографа, в которой он нашел призвание, рождение Нади, семейное счастье. До тех пор, пока однажды Нина не сорвалась. Прямо на представлении – он с четырехлетней Надюшей был в зале.

Отец успел ладонью закрыть дочери глаза и, не разбирая дороги, бросился вон из зала. Пока метался как полоумный, пока искал человека – костюмершу Алину, – которому можно доверить ребенка, пока добежал до арены, Нину уже увезли на «Скорой». Она так и не простила ему. Говорила, что ждала его сквозь смертельную боль, не теряла сознание. А он бросил.

Александр доехал до больницы, когда операция уже началась. Сидел в приемном покое шесть часов, не вставая, ждал хирурга и обливался горячим потом вперемежку со слезами. Словно предчувствовал: жена после операции не оправится. Откуда взялась в нем эта ужасная уверенность?! Непонятно. Но чувство вины прочно засело в душе именно во время того ожидания. Бог покарал. Отец всегда знал, что прошлая жестокость ему отольется...

Вот и все. После травмы позвоночника Нина уже не встала. Ему говорили, что единственная надежда – отвезти ее в Германию. Говорили, там умеют делать невероятные операции и ставить на ноги. Он нашел клинику, отправил описание болезни и снимки. Ответ был таким: попробовать можно, только без четких гарантий. Сумма за операцию и уход в реабилитационный период повергла отца в шок. Он понимал, что не заработает столько за всю свою жизнь. Не соберет у друзей.

Долго метался в поисках новой работы, кредита. Куда там! А Нина тем временем сдавала с каждым днем, и невозможно было на это смотреть. Из цветущей молодой женщины она превратилась в покаленную гарпию. Его уговоры, любовь, надежды – все стало напрасным. Она бросалась на него, навела ужас на Надю. И ее легко можно было понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.